

**Маргарет Нобель
Ананд Кумарасвами
Мифы буддизма и индуизма**

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=612925
Мифы буддизма и индуизма: Центрполиграф; М.: 2010
ISBN 978-5-9524-4785-1*

Аннотация

В этой книге вы познакомитесь с «Махабхаратой» – трагическим эпосом, воспевающим единство народов, населяющих Индию, и «Рамаяной» – поэмой великого Вальмики, а также множеством других легенд, преданий и сказок. Безграничное богатство воображения, нравственная безупречность героев, их невероятное самопожертвование, преданность и постоянная устремленность к совершенству лежат в основе этих боговдохновенных текстов. Ганга, могучая богиня-река, добрые и злые божества чащ и лесов, обезьяны, слоны и тигры равноправно творят общую историю вместе с людьми, царями и богами.

Сокровищница, где бережно и тщательно собраны самые драгоценные жемчужины индийской культуры, – перед вами.

Содержание

Предисловие	5
Глава 1	7
Изучение мифологии	7
Гений Индии	8
Религиозные традиции	9
Махабхарата	10
Глава 2	11
Истоки	11
Парашурама и Рама	12
Мораль Рамаяны	13
Происхождение каст	14
Идеальное общество Вальмики	15
История	17
Рамаяна как эпос о животных	18
Чем привлекают животные	19
Слоноголовый бог	20
Индуистские мифы	21
Хануман	22
История Рамы, рассказанная Вальмики	23
Дашаратха и жертвоприношение коня	24
Вишну воплощается в облике Рамы и его братьев	25
Рама берет в жены дочь Джанаки	27
Рама становится наследником	29
Коварный план Кайкейи	31
Дилемма Дашаратхи	33
Сита следует за Рамой в изгнание	35
Лакшмана следует за Рамой	36
Рама, Сита и Лакшмана в изгнании	38
Смерть Дашаратхи	40
Правление Бхараты	42
Жизнь в лесу	43
Гнев Раваны	44
Золотой олень	45
Похищение Ситы	46
Ярость Рамы	48
Союз Рамы и Сугривы	49
Поиски Ситы	50
Сита в Ланке	51
Хануман говорит с Ситой	53
Хануман сжигает Ланку	54
Хануман возвращается к Раме	55
Вибхишана покидает ракшасов	57
Мост Рамы	58
Осада Ланки	59
Рама ранен	60
Появление Гаруды	61

Тяжелая битва	62
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Маргарет Нобель, Ананда Кумарасвами

Мифы буддизма и индуизма

Создать миф – значит увидеть за реальностью осязаемой реальность высшего порядка. Миф – наиболее очевидное свидетельство величия человеческой души, яркое доказательство бесконечности ее развития.

Арман Сабатье, 1879

Предисловие

Сестра Ниведита (Маргарет Нобель), которой поначалу было вверено написание этой книги, не нуждается в представлении, имя ее хорошо известно европейским и индийским читателям. Будучи одной из самых ревностных учениц Свами Вивекананды¹, который, в свою очередь, являлся последователем Рамакришны², сестра Ниведита построила процесс изучения Индии и ее литературы на фундаменте европейской науки, ревностного служения людям и идеалам своей второй родины. Среди основных произведений, принадлежащих ее перу, можно отметить «Полотно индийской жизни» – одно из немногих правдивых повествований о жизни индийского общества, написанных на английском языке, и «Мать Кали» – произведение, впервые раскрывающее западному читателю истинное религиозное и социальное значение разрушительного и вместе с тем созидательного культа Богини-Матери. Благодаря своим книгам Ниведита стала не просто связующим звеном между Индией и Европой, она явилась источником вдохновения для индийцев, более не стремившихся к англизации, но убежденных, что истинный прогресс, в отличие от политического противостояния, должен основываться на национальных идеях, ярко выраженных в религии и искусстве.

Безвременная кончина сестры Ниведиты в 1911 году заставила взяться за перо другого автора. Сестрой Ниведитой написаны следующие фрагменты текста: мифология индоарийцев; страницы, посвященные Махабхарате; часть главы о Шиве; примечания о Каче и Дева-

¹ Вивекананда Свами (12.01.1863, Калькутта – 4.01.1902, Белур) – индийский мыслитель-гуманист, религиозный реформатор и общественный деятель; ученик Рамакришны. В 1897 г. основал религиозно-реформаторское общество «Миссия Рамакришны». Был крупнейшим представителем йоги. Вивекананда – идеолог так называемого индийского Возрождения, выразившего стремление Индии к национальной независимости и социальному благоденствию, однако свои надежды Вивекананда возлагал не на революционную деятельность народных масс, а на воспитание личности в духе веданты, на создание характера у индивидуума и нации. Социальная функция пропагандируемой Вивеканандой «универсальной» реформированной религии заключается, по Вивекананде, в оказании помощи нуждающимся и голодным. Демократическое содержание проповеди Вивекананды способствовало освободительному движению в Индии. (Примеч. ред.)

² Рамакришна (18.02.1836, Камарпукур (Западная Бенгалия) – 16.08.1886, Калькутта) – индийский философ-мистик и религиозный реформатор, представитель неиндуизма. Выступил с проповедью «всечеловеческой религии», считая, что такие конкретно-исторические формы религиозного поклонения, как индуизм, ислам, христианство, представляют собой отдельные проявления всеобщей устремленности к единому божественному началу. Философские основы этой «всечеловеческой религии» были взяты Рамакришной преимущественно из древнеиндийской идеалистической школы веданта, различные направления которой он пытался согласовать, представив их в виде ступеней йогического духовного опыта. По Рамакришне, *безграничная любовь и преданность Богу* (охакти) осуществляется не путем аскетического отречения от мира, а через выполнение каждым человеком своих земных обязанностей. Отстаивая необходимость общественной деятельности, Рамакришна понимал ее как избавление от бедствий «железного века» (Кали-юга), характеризующегося всевластием денег, засильем иноземных поработителей и т. д. Учение Рамакришны получило широкую известность благодаря деятельности его ученика Вивекананды. В 1897 г. для пропаганды идей Рамакришны его учениками было создано религиозно-реформаторское общество «Миссия Рамакришны» (центр – в Белуре, вблизи Калькутты, отделения – в Европе и Северной Америке), продолжающее свою деятельность и в настоящее время. (Примеч. ред.)

яни; истории о Дхруве, Шани и т. д. Остальное – более двух третей книги – было написано автором этого предисловия.

Иллюстрации воспроизведены с акварелей, выполненных специально для этого издания индийскими художниками под руководством г-на Абаниндро Ната Тагора, заместителя директора Калькуттской школы искусств. Ему же принадлежит авторство некоторых иллюстраций.

Таким образом, настоящее издание с полным правом можно считать уникальным, ибо оно украшено иллюстрациями художников, знакомых с мифами с детства и благодаря этому сумевших наполнить свои рисунки подобающим духовным содержанием.

Думаю, стоит вкратце пояснить, по какому принципу отбирались мифы и легенды для этой книги и почему они расположены именно в таком порядке. Работая над книгой, я стремился воспроизводить мифы как можно ближе к оригиналу, но более сжато. В первую очередь я хотел перенести на эти страницы те мифы, что более или менее знакомы всем образованным индийцам, к которым я отношу и неграмотных, но бесконечно мудрых крестьян, знакомых с мифологией благодаря устному творчеству или посещению храмов (где скульптура служит иллюстрацией различных мифологических сюжетов). Рассказанные здесь истории представляют собой квинтэссенцию того знания, которым необходимо вооружиться каждому иностранцу, если он хочет общаться с индийцами, ибо нигде это знание так ясно не сформулировано, как в мифологии и искусстве.

Среди читателей, надеюсь, будут не только почитатели индийских идеалов, к каковым относилась сестра Ниведита, но также государственные чиновники и миссионеры. Почти все пересказанные здесь мифы нашли отражение в индийской скульптуре и живописи. Без сомнения, многие из них вскоре будут признаны всемирным наследием. В первую очередь это справедливо в отношении Рамаяны – пожалуй, лучшей из историй о рыцарстве, истине и любви.

Ананда Кумарасвами

Глава 1

Мифология индоарийцев

Изучение мифологии

На ранних этапах истории человечества Азия являла собой колоссальный очаг цивилизации, питавшей такие страны, как Египет, Аравия, Греция, Индия и Китай. Впоследствии Египет и Аравия пали жертвою своего географического положения – пережили завоевание и гибель своей культуры. Греция и в особенности Индия образовали то, что можно назвать тихой заводью. Здесь, словно на берегу невидимой реки, сменяли друг друга приливы эпох и каждая из волн оставляла на песке свой след. Таким образом, Индия, как ни одна другая страна мира, в состоянии продемонстрировать нам преемственность культурных эпох.

Цивилизация обязана своим развитием слиянию племен и народов, обладающих ярко выраженной индивидуальностью. Индивидуальность же эта обусловлена определенной совокупностью традиций и обычаев, на которые наложили свой отпечаток географические условия региона, ставшего колыбелью для человеческой общины. Западная Азия – одна из центральных областей мира. Ее географическое положение стало залогом того, что здесь пересеклись пути, ведущие с севера на юг и с востока на запад. На этих перекрестках возникли крупные торговые города – пункты товарообмена. Столь же очевидно, что Индия и удаленные области долины Нила стали местами расселения и производства. Народы селились здесь и смешивались друг с другом. Здесь появились земледельцы. И здесь мы становимся очевидцами постепенного развития мысли, которая не только несет на себе отпечаток своей истории, но, в свою очередь, является источником сильного влияния на внешний мир. Нам известно, какой вклад в культуру внесли народы, жившие в долине Нила. Однако сами они, насколько нам известно, утратили связь со своим прошлым. Между ними и минувшим лежала пропасть, временной интервал, лишенный причинно-следственных закономерностей. Поколение, очарованное иным образом жизни, обычно без должного уважения относится к своему прошлому. А прошлое доверяет свое наследие утлой ладье в стремлении принести пользу будущему. Требуется определенное упорство и даже толика консерватизма, чтобы не растерять ни крупинцы из этого наследия на долгом пути через века. И, даже сталкиваясь с великими империями, переживая внезапный расцвет культуры или пленяясь новой религиозной идеей, мы должны сохранить то, что имеем, и прибавить к этому нечто столь же ценное.

Гений Индии

Уважительное отношение к своему прошлому – неотъемлемая черта национального гения. В Индии с самого начала ее истории культивировалось почитание наследия предков. Индия не отвергала новые идеи, какой бы источник ни питал их, но никогда не следовала им бездумно. Жажда нового, с одной стороны, и нежелание принимать это новое – с другой, обусловили развитие Индии с самого начала ее истории до наших дней. Синтез – вот краеугольный камень индийской культуры.

Ошибка индийского консерватизма, однако, состояла в желании сохранять различия, не делая попытки ассимилировать их. Пустоты брахманской цивилизации, чуждой влиянию извне и не оказывающей влияния на внешний мир, заполняли более сильные народы со своими традициями и идеалами. До наших дней в Калькутте и Бомбее существуют различные кварталы – китайский, бирманский и прочие, обитатели которых ничего не привносят в окружающее их общество и ничего не получают от него. Впрочем, бывают и исключения. Личность Будды послужила источником религиозного вдохновения для китайцев и десятка других народов. Империя Гупта являет собою пример индийского государства, которое столь же радушно принимало чужеземцев и их культуру, как сегодня это делает Европа и Америка. Только возвышение ислама положило конец этой долгой эпохе культурного обмена, оставившей след в верованиях и мышлении индийского народа.

Религиозные традиции

Индуизм в действительности являет собой не что иное, как беспредельный синтез, объединяющий в себе элементы из сотен разных источников и включающий в себя все мыслимые религиозные традиции. Таких традиций – великое множество. Землепоклонство, солнцепоклонство, культ живой природы, поклонение небу, почитание героев и предков, культ матери или отца, поклонение мертвым, мистическая взаимосвязь растений и животных – все это в той или иной мере нашло свое отражение в индуизме. Каждая традиция является исторической вехой, отмечающей слияние или поглощение народов, прежде чуждых друг другу. Все эти традиции накрепко спаялись друг с другом и образуют теперь единое целое. Но, посещая отдаленные святыни, изучая литературу определенных периодов, мы можем выявить отдельные влияния, оказавшие воздействие на формирование индуизма.

Великий систематизирующий импульс истории время от времени стремится включить традиционную общепризнанную традицию или часть ее в единое органическое целое. Подобные попытки с разной степенью успешности предпринимались не раз. Примером могут служить компиляционные писания Пураны³, эпические сказания Рамаяна и, в особенности, Махабхарата. Каждое из этих произведений несет в себе некое древнее ядро, столетиями передававшееся по памяти из уст в уста. Это наследие перекладывается на письмо, претерпевая при этом изменения, которые делаются автором с целью несколько осовременить произведение.

³ Пураны – жанр индуистской литературы, относящийся к разряду «преданий» (смрити) и представленный в стихотворных сводах. Пураны традиционно распределяются в соответствии с почитанием трех верховных богов индуизма – Вишну, Брахмы и Шивы – и представляют собой энциклопедии индуистской мифологии, ритуала, теософии, космологии и космографии, сотериологии, легендарных и исторических преданий, теории искусства и различных отраслей знания. С традиционной точки зрения пураны – это тексты, в которых разрабатываются пять тем: 1) мирозидание (сарга); 2) мироразрушение (пратисарга); 3) генеалогия (ванша) богов и риши; 4) периоды Ману (манвантары), каждый из которых имел своего первого человека; 5) история династий (ваншанучарита), считающих своими родоначальниками божества Солнца или Луны. Некоторые Пураны, правда, не содержат этих тем, тогда как другие обильно восполняют или дополняют их широкой «энциклопедической» информацией (потому отдельные пуранические тексты настаивают на наличии не пяти, а десяти «признаков»). Тем не менее «пять признаков» существенно важны для осмысления происхождения Пуран. (*Примеч. ред.*)

Махабхарата

Махабхарата являет собой результат грандиозных усилий по сохранению в едином комплексе всех древних верований и традиций народа. Из самого названия видно, что в основе этого выдающегося литературного произведения лежит сознание единства Бхараты⁴ или индийского народа. Это олицетворение идеалов социальной организации, религии, древней истории, мифологии и морали индийцев.

Таким образом, если мы хотим проследить развитие индийской мифологии с самого ее начала до абсолютной зрелости, изучив все разнообразные промежуточные этапы этого развития, лучшего проводника, чем Махабхарата, нам не найти. Ибо индийская мифология – это не просто предмет для тщательного изучения любителями древностей, она буквально пропитывает собой самую жизнь народа, оказывая на нее мощное влияние. Именно живая мифология, последовательно отражающая процесс жизненного развития и принимающая сообразные формы, стала значимым фактором в повседневной жизни людей. Эта живая мифология и нашла отражение в Махабхарате.

Это та самая мифология, что запечатлелась в Махабхарате. В этом произведении она обрела свою законченную форму и оказала сильное влияние на индийское общество. Прочие мифы со временем растаяли как дым, не оставив после себя никаких следов. Они не обрели в людской памяти никакой конкретной формы. Этот факт нашел отражение в популярной бенгальской поговорке: «Чего нет в Махабхарате, не найдешь и в Бхарате (Индии)». Махабхарата соединяет в себе как простейшие, так и развитые формы мифологии. Это произведение можно назвать абсолютным воплощением индийского ума и души.

На ранних этапах истории человечества люди не проводили четкой границы между собой и животным миром, наделяя зверей и птиц своими мыслями и чувствами, очеловечивая землю и воду, луну и солнце, звезды и планеты. Позднее, когда люди осознали свое место во вселенной, звездный мир отошел на задний план, уступив место человеку.

В этой книге мы рассматриваем обе эпохи мифологии, раннюю и более зрелую. Мы расскажем о зарождении мифологии и ее развитии в первобытную эпоху, а также познакомим с более поздним мифологическим творчеством.

⁴ Бхарата – древнее название Индии. (Примеч. пер.)

Глава 2 Рамаяна

Истоки

Вальмики – имя почти столь же загадочное, как Гомер. Без сомнения, он родился брахманом и был тесно связан с властителями Айодхьи. Вальмики собирал песни и легенды о Раме (впоследствии названном Рамачандрой, в отличие от Парашурамы)⁵. С большой долей уверенности можно говорить о том, что в более позднее время произведение Вальмики было дополнено, например, *Уттара-кандой*.

Вальмики приписывается создание *илоки* – эпического стихотворного размера. Во многом благодаря ему сформировался язык и стиль индийской эпической поэзии. Как гласит Рамаяна, Вальмики был современником Рамы и приютил Ситу в период ее изгнания. Он же поведал Рамаяну сыновьям Ситы – Куше и Лаве.

⁵ Парашурама (parasu rama, буквально Рама с топором) – шестая дашаватара Вишну. Вишну родился в этой аватаре с целью избавить касту (точнее, вар ну) брахманов от тирании кшатриев. Пятый сын Ренуки и Джамадагни, учитель Бхишмы, Дроны и Карны. Уклонился от Великой битвы на Курукшетре. Не желая выполнять чужую волю, он, будучи аватарой Вишну, предался аскезе и в награду получил от Шивы топор, который не давал ничьей воле доступ в его сознание. После этого он и стал Парашурамой – Рамой с топором и вырезал кшатриев по собственной воле. Вишну-Пурана описывает во всех деталях историю Парашурамы. Парашурама был сыном Ренуки и Джамадагни. Некогда царь, именуемый Картавирия, во время охоты посетил хижину отшельника Джамадагни. Джамадагни щедро угостил царскую свиту с помощью своей коровы Сабалы, которая могла выполнить любое желание. Царь, восхищенный чудесными качествами коровы, попросил мудреца отдать ему чудесное животное. Мудрец ответил Картавирии отказом, и тогда сын царя убил Джамадагни. Во время возвращения царя с охоты Парашурама узнал о случившемся и, придя в ярость от совершенного святотатства, погнался за Картавирией, настиг его и убил в бою. После этого Парашурама поклялся отомстить всему племени кшатриев. По прошествии двадцати и одного века он очистил мир от мужчин-воинов – представителей касты кшатриев и нечестивых правителей. Совершив все эти убийства, он выполнил искупительные ритуалы, отдал мудрецу Кашьяпе завоеванные земли как помощь для жертвоприношений и удалился в горы, предавшись покаянию на горе Махендра. (Примеч. ред.)

Парашурама и Рама

После истребления племени кшатриев Парашурама взялся за оружие лишь единожды для укрепления своей веры. Когда караван Дашаратхи выезжал из Митхилы, поднялся сильный ветер и навстречу новобрачному Раме явился Парашурама, усомнившийся в божественной природе Шри Рамы. Тот решив, что первый лук состарился и стал ломким, предложил Раме божественный лук Вишну – лук-близнец лука Шивы. Но, приблизившись к Раме, поверил в него и подарил ему этот великий лук как свое приношение богу Вишну. С этим луком Рама и отправился на остров Ланку, и подарок Парашурамы сильно помог Раме.

Рост Парашурамы должен быть 120 ангулов. Он должен носить джата-корону и священный шнур, а также оленью шкуру. У него две или четыре руки, правая должна держать парашу (боевой топор), левая – указывает на что-либо. Если он имеет четыре руки, он должен нести в них боевой топор, меч, луки и стрелу.

Что есть Рамаяна в простейшем изложении? История возвращения похищенной невесты. Здесь можно проследить сходство с другой великой эпической поэмой – «Илиадой» Гомера. Однако предположение о том, что «Илиада» ведет свое начало от Рамаяны, вряд ли имеет под собой основание. Вероятнее всего, в основе обоих произведений – легенды, появившиеся на свет за тысячу лет до нашей эры.

Об истории Рамы повествует одна из *джатак*, которую можно считать краткой версией Рамаяны. Возможно, в одно из последних столетий до н. э. некий брахманский поэт объединил различные варианты саг о Раме, создав историю с ясным и связным сюжетом. Последние дополнения к Рамаяне были сделаны, по всей вероятности, около 400 года н. э. В целом поэма в ее последней редакции относится к раннему этапу индийского ренессанса и отражает культуру очень близкую к той, что зафиксирована на фресках Аджанты (с I по VII века н. э.). Не вызывает сомнений, однако, что сущность поэмы куда более древняя. В этой книге приводится краткий, сжатый пересказ ее ключевых моментов поэмы.

Семь книг Рамаяны:

Бала-канда – книга о детстве Рамы.

Айодхья-канда – книга о царском дворе в Айодхье.

Аранья-канда – книга о жизни Рамы в лесной пустыне.

Кишкиндха-канда – книга о союзе Рамы с обезьяньим царем в Кишкиндхе.

Сундара-канда – «Прекрасная книга» об острове Ланка – царстве демона Раваны, похитителя супруги Рамы – Ситы.

Юддха-канда – книга о битве обезьяньего войска Рамы с войском демонов Раваны.

Уттара-канда – «Заключительная книга».

Мораль Рамаяны

Одной из важных характерных черт эпоса Вальмики можно считать изображение двух идеальных миров: мира добра и мира зла. Автор не признает полутонов и оперирует лишь понятиями абсолютной морали и абсолютной аморальности, подчеркивая тем самым контраст между добром и злом. Две эти концепции оказали большое влияние на формирование индийского общества, ибо не только такие законодатели, как Ману, но и поэты Древней Индии видели в своем искусстве не самоцель, а средство для достижения цели – создания идеального общества. Древние поэты были своего рода социологами, использующими великую силу своего искусства для развития человеческих институтов и формирования идеалов для всех классов. Поэт – это и философ в ницшеанском смысле этого слова, то есть тот, кто направляет эволюцию в нужное русло. Результаты подтвердили правильность выбранного пути, поскольку если индийское общество и достигло идеала или идеалов, являвшихся движущей силой его развития, то только благодаря культу героев. Если Веды первоначально были достоянием только избранных, образованных людей, то эпос переводился на каждый диалект поэтами, среди которых можно назвать Тулсидаса и Камбана, стоящих в одном ряду с самим Вальмики. Эпические сказания, как и большинство Пуран, были доступны даже неграмотным, благодаря устному творчеству: театральным представлениям, фольклору, живописи. Вплоть до недавнего времени в Индии нельзя было найти ни одного мальчика или девочки, которые были бы незнакомы с Рамаяной, и самое заветное их желание было стать похожими на Раму или Ситу.

Происхождение каст

Изложение основ идеального индийского общества, делящегося на «цвета» (касты), мы встречаем в Рамаяне и законах Ману (ок. 500 до н. э.). Согласно Ману, брахманы порождены ото рта, кшатрии – от рук, вайшьи – от бедер, шудры – от ног Брахмы. В аллегорическом смысле этот миф говорит о божественном одобрении системы. Не следует думать, однако, что Ману или Вальмики описывают общество, существовавшее некогда на территории Индии. В своем развитии индийское общество то приближалось, то удалялось от концепций утопистов, Вальмики и Ману. О том, какое влияние они оказывают на общество и по сей день, свидетельствует тот факт, что и сегодня самые радикальные реформаторы не покушаются на кастовую систему, а лишь стремятся объединить многочисленные подкасты в четыре основные группы.

Автор этой книги ратует за развитие общества, предоставляющего условия для перехода из одной касты в другую для тех, кто желает воспринять традиции высшей касты. Перемещение внутри кастовой системы происходит и сейчас путем включения коренных народов в индийское общество. Однако истории, подобные той, что рассказывают о Вишвамित्रе (который родился кшатрием, но благодаря своим аскетическим подвигам добился положения брахмана), демонстрируют всю сложность перехода из одной касты в другую. Во все времена в Индии находились те, кто протестовал против разделения общества на замкнутые группы. Таким противником, в частности, был Будда, считавший, что родиться брахманом нельзя:

Не по рождению становятся брахманами,
Лишь по деяниям своим становятся брахманами.

Однако древний принцип наследования всегда брал верх, и самое большее, чего добились реформаторы, – создания новых кастовых групп.

Идеальное общество Вальмики

Теперь очень кратко рассмотрим природу идеального общества Вальмики. Первое, что сразу поражает, – сложность этого общества и высокая степень дифференциации между взаимозависимыми составными частями. В основе общества – четкая градация рангов, при этом ранг зависит не от богатства, а лишь от умственных способностей. Доктрина реинкарнации принимается как само собой разумеющаяся. Концепция *кармы* (совершение действий, приносящих плоды в другой жизни) в сочетании с теорией реинкарнации приводит к выводу, что ранг определяется исключительно по наследственному принципу. Тот, кто достоин быть брахманом, рождается брахманом, а тот, кто должен родиться шудрой, рождается шудрой.

Эта теория нашла практическое отражение в кастовой системе, или, как говорят индийцы, в системе «цветов» (варн), на современном языке – системе «джати» («рождение»). В основе системы – четыре «цвета»: брахманы (священнослужители и философы); кшатрии (воины и властители); вайшьи (торговцы и земледельцы) и шудры, служащие представителям трех высших каст и не являющиеся дваждырожденными, то есть не прошедшие обряд посвящения, символизировавший второе рождение. Кроме того, в рамках четырех основных групп существует огромное количество подкаст, которые теоретически могли возникнуть благодаря межкастовым бракам.

У каждого «цвета» свой моральный долг и обязанности (*дхарма*). Нарушение *собственной дхармы* – смертный грех, заслуживающий самого сурового наказания. В концепции «собственной дхармы» проявляется коренное отличие индийского общества от всех абсолютистских моралей, включая иудаизм и буддизм. Вот один из конкретных примеров: Декалог Моисея (Десять заповедей) включает в себя заповедь «не убий» и эта заповедь, по сути, относится к каждому – философу, солдату, торговцу, что не совсем логично. В индуизме же, проникнутом доктриной *ахимсы*, непричинения вреда, не делается попытки связать этим принципом кшатриев или шудр: лишь отшельник и философ, стоящий выше всех в духовном плане, не должен причинять вред любому живому существу. В то же время воин, уклоняющийся во время битвы от нанесения вреда человеку или животному, достоин презрения как человек, не следующий своему моральному долгу. Эта проблема поднимается и в Рамаяне, когда Сита говорит Раме, что теперь, когда они живут в лесу, в убежище отшельника, им следует руководствоваться принципами йоги и не причинять вреда не только животным, но и ракшасам (Ракшасы, дайти, якшасы и асуры – демоны, постоянные противники людей и богов). Рама, однако, отвечает, что связан своим воинским долгом и обещанием защищать отшельников.

Во всей своей полноте доктрина морального долга реализовалась на практике только в золотую эпоху, когда лишь брахманы практиковали аскетизм и стремились к абсолютному просветлению. Позднее каста кшатриев стала столь же влиятельной, как и брахманы. Говорят, что именно в это время Ману создал *шастры* (кодексы), в которых излагались обязанности четырех варн. В третью эпоху аскетизм стали практиковать вайшьи, а в четвертую аскетическим самоистязанием занялись и шудры. Таким образом, на протяжении четырех эпох происходил переход от идеальной теократии к полной демократии. В эпоху Рамы уже появились признаки наступления четвертого периода: один из шудр, ставший йогом, был убит Рамой не столько в наказание, сколько во избежание возможных потрясений основ общества.

В аристократическом обществе, которое рассматривает Вальмики, суровость социальной дисциплины возрастает: чем большей властью наделен человек, тем большим самоограничением он должен быть связан, отчасти потому, что к этому его обязывает положение, отчасти потому, что подобный аскетизм есть неременное условие сохранения власти. Об этой концепции аристократического общества следует постоянно помнить, если мы хотим

понять порой непостижимые для создания человека демократического общества эпизоды Рамаяны. На кшатрии, тем более если он – царь, лежит обязанность следовать своей дхарме, то есть не только защищать людей и богов, убивая ракшасов, но и придерживаться определенных правил общепринятой морали, даже если эти правила лично для него большой важности не имеют. Так, Рама дважды отрекается от Ситы, хотя в глубине души совершенно уверен в ее абсолютной верности. Это отречение является наиболее драматичным эпизодом истории. Рама и Сита воссоединяются после годичной разлуки, в момент разрешения долгого и напряженного конфликта. Казалось бы, историю должен венчать счастливый конец, но героев ждет решающее испытание, а трагедия лишь отсрочена во времени благодаря появлению богов и оправданию Ситы. В этих трагических эпизодах, повествующих о кульминационном моральном кризисе в жизни Рамы и Ситы, Вальмики в полной мере проявляет себя как мудрец и как поэт. Его идеальное общество практически безгрешно, тем самым ярче подчеркивается, сколь далекоидущие последствия может иметь одна-единственная ошибка. Кайкейи⁶ не злобна по сути своей, она лишь очень юна и слепа в своем своенравии, однако именно ее проступок становится причиной трагедии.

В сравнении с миром людей, переживающим серебряный век, автор рисует греховный мир ракшасов, где правят жадность, вожделение и жестокость, заменившие собой щедрость, самоотречение и доброту. Но вся злоба ракшасов направлена вовне, на людей, богов и всех тех, кого ракшасы считают врагами. В своем же мире они демонстрируют сыновью любовь и супружескую верность в ее высшем проявлении, неукротимую храбрость и преданность. Город Ракшасов, выстроенный самим Вишваркарманом, великолепен, в нем процветает искусство. Ракшасы поклоняются богам, практикуют аскетизм. Пусть они и злобны, но на низость не способны. Среди них встречаются такие, как Вибхишана, который не принадлежит к миру зла. Наконец, ракшасов нельзя назвать бесчеловечными, они лишь являются воплощением всего нечестивого, что есть в человеческом обществе. Об этой аллегории следует помнить.

⁶ Кайкейи – вторая из трех жен царя Дашаратхи в индуистском эпосе Рамаяна, царица Айодхьи и мать Бхараты. (Примеч. ред.)

История

История осады Ланки в оригинале эпоса рассказывается долго и с долей гротескного юмора. Эпизоды с проявлением жестокости несколько смягчаются историями о верности и доброте. Погибшего Равана Рама считает другом. Мандодари горюет о нем, как Сита горевала бы о Раме. История полна чудес, но элемент магии призван не просто украсить повествование, а зачастую играет очень важную роль. Всеми своими чудесными способностями, которыми наделены соперники с одной и с другой стороны, герои обязаны себе, своему аскетизму и умственной концентрации, а не подаркам судьбы. Таким образом, конфликт, лежащий в основе поэмы, – это противостояние героев. Возьмем, к примеру, эпизод с волшебным оружием Брахмы. Оно поразило Ханумана, парализовав его, но Хануман сумел преодолеть силу заклятия. Это яркий пример того, что насилию может противостоять только мудрость.

Читая и перечитывая Рамаяну, все лучше постигаешь ее значимость и понимаешь то влияние, которое она оказывает на индийское общество. Остается лишь сожалеть, что миф о Раме и Сите исключен из современного школьного курса во имя соблюдения религиозного нейтралитета. Не будет преувеличением сказать, что человек, незнакомый с этим эпосом, не может с полным правом называть себя гражданином Индии. Можно добавить, что тот, кто не знает историю Рамы и Ситы, вряд ли может считать себя истинным гражданином мира.

Рамаяна как эпос о животных

В сказаниях народов всего мира мы видим отзвуки древнейших эпосов о животных, сложенных нашими предками. Этих эпосов больше нет, лишь косвенные намеки или отдельные фрагменты позволяют догадываться о них. Нигде в современном мире нет столь богатого материала, позволяющего хотя бы в первом приближении восстановить первобытные мифы, как в Индии. И по сей день индийцы живут в гармонии с природой. Мужчина или мальчик, рассказывающий сказку о мышке или белке, непременно украсит ее криками или движениями соответствующих животных. Индийцы верят, что животные могут чувствовать, а может быть, и мыслить как человек. Людей и животных связывает некое родство, отзвуки которого мы видим в буддизме и джайнизме.

Индийцы – живые люди, и все человеческое им не чуждо. Порой они тоже бывают жестоки, но все же такие проявления редки. В мирном сосуществовании с природой мы видим отзвуки древнего наследия наших предков, когда на заре истории всякое четвероногое существо было человеку братом и другом.

Концепция родства человека с животным миром встречается и в буддистских джатаках, и в Эзоповых баснях, и в сказках дядюшки Римуса. Джатаки рисуют жизнь животных не с целью проиллюстрировать мудрые поговорки, а чтобы посредством ее передать мудрость высшей философии. Любовь Будды и Яшодхары стала поэтической легендой своего времени, и участие в ней птиц и зверей воспринималось как нечто само собой разумеющееся. Не было ничего странного в том, например, что в стадах оленей, как и у людей, были вожди, готовые отдать жизнь за свой народ. Вместе с тем на основе древних эпосов рождаются новые, встраиваемые в более поздние теологические системы. Из сплава старого и нового формируются герои вроде Ханумана или Гаруды.

По мере арианизации поэзии из нее уходит элемент страха, благоговейного трепета. Арийский ум – ум организующий, систематизирующий, рациональный. Яркие цвета и эмоции ранней мифологии, столь возбуждающие воображение, – это наследие наших древних предков. На заре своей истории человечество склонно было обожествлять животных. Издаваемые ими нечленораздельные звуки, столь похожие на речь первобытных людей, воспринимались как прорицания. В животных, ведущих скрытную жизнь, виделось что-то сверхъестественное. Старая обезьяна или змея, прячущаяся в дупле старого дерева, несомненно были носителями некоей неизведанной мудрости.

Чем привлекают животные

С непосредственностью детского ума люди рисовали в своем воображении слонов и орла, обезьяну и льва. У каждого племени и народа было свое мистическое животное, которому поклонялись и которого люди считали своим предком. С развитием теологических систем древние верования упорядочивались, систематизировались. Мифические существа уже не считались богами, они стали соратниками богов и средством их передвижения. Один из богов восседал на павлине, другой – на лебеде. Одного возил бык, другого – козел. В самом этом факте содержится скрытый намек на богоподобность существ. Таким образом, перед нами компромисс, синтез двух систем, двух идей, одна из которых сравнительно нова, а другая более древняя и более примитивная. Отметим, что десятая книга Ригвед столь существенно отличается от своих предшественниц во многом благодаря тому, что в религиозном сознании людей, говорящих на санскрите, все более заметное место стали занимать концепции коренных народов. Арийский ум с его пантеоном богов природы – неба и солнца, огня, ветра, воды, бури, встречавшихся у племен от Дарданелл до Ганга, – постепенно ассимилировал и более древние космические божества разных азиатских народов. Процесс этот превосходно прослеживается на всем протяжении истории, в отличие от развития мифологии Индры и Агни, Вайю и Варуны, о которых нам мало что известно. По всей вероятности, эта мифология зародилась за пределами Индии и попала на индийскую почву уже в период зрелости. Точно так же мы не можем сказать, как и почему случилось так, что воображение индийцев рисует бога вселенной с головой слона. Очевидно, сама идея зародилась в Индии, где слоны были привычным явлением. Появление же этой концепции в таких странах, как Япония и Китай, явно говорит о влиянии весьма древних религиозных верований, пришедших с юга.

Слоноголовый бог

Кто же в действительности этот Ганеша или Ганапати – владыка сонмов или первобытный бог территории? Что символизирует слоновья голова на красном теле? Определенно этот бог – один из самых почитаемых в индуистском пантеоне. И по сей день он остается богом удачи и мудрости. Его божественное предназначение – выполнение всех желаний. Ему воздают почести перед любым начинанием. Благосклонность Ганеши – залог успеха в любом деле. В Японии он известен как покровитель деревень. Этот факт свидетельствует о древности культа, хотя в Южной Индии существует и более древний культ Матери-Земли, в честь которой воздвигались алтари из неотесанного камня.

Как хорошо мы понимаем тот благоговейный трепет, который испытывали древние индийцы в отношении этого бога! В его власти наделить человека мудростью и богатством. Он подарил индийскому народу письменность. Он давал благосостояние. Он воплощал в себе всю вселенную. От него зависел успех любого начинания. Вполне естественно, что именно этот бог должен быть Исполнителем Желаний! Ганеша не внушает людям страх. Он щедр, милосерден и дружелюбен. Он любит людей, и они отвечают ему взаимностью. Его чело сияет истинной добротой и мудростью. Вместе с тем слогоголовый бог не лишен некоторых человеческих качеств, иногда бывает грубоват, энергия бьет из него ключом. С самого рождения Ганеше предрекали чудесное будущее, ведь в его власти было ниспослать успех в любом начинании. Культ Ганеши не столь древний, как первобытный культ Матери в поселениях Декана, но, по всей видимости, именно он стал одним из первых упорядоченных культов. Когда появился буддизм, культ Ганеши уже существовал. Кроме всего прочего, Ганешу нельзя назвать богом священнослужителей или царей, он был вне теократий и, скорее всего, принадлежал к древней торговой культуре, цивилизации Бхараты. И по сей день он остается преимущественно богом торговцев. Примечательно, что, если в каком-либо индийском городе торговец объявляет себя банкротом, об этом факте посетителей его лавки оповещают фигурки Ганеши, перевернутые вверх ногами.

Индуистские мифы

Первым из литературных творений индуизма, написанных в начале нашей эры, в эпоху объединения индийского народа, стала эпическая поэма Вальмики Рамаяна. Это всемирно известное произведение повествует о непорочности и скорби, а в какой-то мере является и сказкой о природе. В период существования культа Ганеши пережил свой расцвет и упадок буддизм, все более явственно стало ощущаться арийское влияние. Любое произведение искусства содержит в себе частицу ушедшей культуры. Так и Рамаяна словно переносит нас в древнюю эпоху, где птицы и звери говорят и ведут себя как люди. Человеку той эпохи лес представлялся таинственным царством, населенным учеными и отшельниками. Лес пестрит яркими цветами, наполняющими воздух своим благоуханием. Под сенью леса живут сладкоголосые птицы. Зелень дарит прохладу и покой. Лес словно напоен святостью. В то же время лес – место обитания злых существ. Многие из них внушали человеку сверхъестественный ужас. Разве не известно, что демон Марича может изменять свой облик? Как узнать, настоящий тигр перед тобой или оборотень? Чудовища и злые демоны состоят в родстве с самим ужасным десятиголовым Раваной из Ланки. Сколько раз запоздалый охотник с ужасом прислушивался к шороху, доносившемуся из лесной чащи, сознавая, что стал невольным свидетелем тайной жизни демонов.

Но боги могущественнее сил зла. Солнечные лучи проникают в самые сокровенные уголки леса. Вот появляются обитающие на небе *гандхарвы* – певцы и музыканты. А это разве не *апсары*, небесные нимфы? На закате никто не рискует приближаться к лесу из опасения случайно увидеть купающуюся апсару и тем самым навлечь на себя гибель.

А это *киннары* – полулюди-полуптицы. Под крыльями они держат музыкальные инструменты. Где-то в горах, у киннар живет Сампати, старший брат Джатаю, повелителя орлов. Сампати не может улететь: он обжег крылья, пытаясь прикрыть собой Джатаю от жгучих лучей солнца. А по лесной чаще бродят обезьяны, наделенные мудростью, превосходящей мудрость человека. По их слову на деревьях распускаются цветы. Но обезьяны постоянно борются со своей обезьяньей натурой, которая, словно заклятье, не дает им покоя. Обезьянье общество хорошо организовано. Здесь есть семьи и родословные, вожди и политические союзы, веселье и скорбь. Обезьяны появляются и в Рамаяне. Уносимая Раваной Сита заметила на вершине горы пять обезьян-вождей. Одним из этих вождей был Сугрива, потерявший жену и царство по вине своего старшего брата Бали. Теперь Сугрива – владыка в изгнании, окруженный своими советниками и военачальниками. Он хочет отомстить брату. Некоторые ученые видят в этой группе из пяти обезьян на вершине горы фрагмент древней космогонии, насчитывающей тысячи лет.

Хануман

В Рамаяне есть еще один персонаж-обезьяна, но совсем другого порядка. В некоторых районах Индии (в Гималаях или Махараштре) крошечные часовни Ханумана встречаются так же часто, как и культовые сооружения Ганеши. Ханумана всегда изображают в профиль, искусно высекая его портрет на каменных плитах. Вряд ли в литературе существует другой такой символ беззаветной преданности и верности, как Хануман. Он являет собой индуистский идеал совершенного слуги, наделенного храбростью, верностью и покорностью. Это слуга, чье величие в его служении.

Когда на свет появилась Рамаяна, культ Ханумана уже процветал. Остается только догадываться, что послужило причиной его создания. Однако ясно, что Хануман – существо более высокого порядка, чем принцы Бали и Сугрива, которым он служит. Рассказывают, что Хануман был сыном Вайю, который, согласно Ведам, был богом ветра.

В любом случае роль, которую Хануман играет в поэме, очень важна. Каков бы ни был возраст и происхождение Ханумана, Рамаяна ставит его в один ряд с важнейшими религиозными концепциями. Когда он кланяется, чтобы коснуться ноги Рамы, который и сам является принцем божественного происхождения, мы становимся свидетелями встречи древнего культа с системой, определившей будущее религии. Не следует забывать, однако, что в фигуре Ханумана воплотились все те духовные качества, что оказали влияние на формирование идеализма человека. Сам Вишну не мог обойтись без одного из самых верных своих слуг – Ханумана. Даже в более позднее время, когда Гаруда – божественная птица, занимавшая воображение древнего человека, – заняла место Ханумана и стала ездовой птицей и помощником Нараяны, Хануман не был забыт. Благодаря прекрасному творению Вальмики он всегда будет волновать сердца людей.

История Рамы, рассказанная Вальмики

Отшельник Вальмики просит великого риши⁷ Нараду назвать безупречного мужа, отважного и добродетельного. Нарада рассказывает ему о Раме. Так появляется история, которая известна нам под названием Рамаяна.

Возвращаясь в свою лесную хижину, Вальмики видит двух птиц, самца и самку. Они весело поют и танцуют. Вдруг самец падает, пронзенный стрелой незаметно подкравшегося охотника. Подруга горько оплакивает любимого. Преисполненный гнева, Вальмики проклинает охотника, но слова, вылетевшие из его уст, неожиданно превращаются в стихотворные строки. Вальмики понимает, что создал новый стихотворный размер – *шлоку*.

У хижины ему является сам четырехликий сияющий Брахма, Творец Мира. Вальмики воздаст ему почести, но мысли его заняты несчастной птицей и только что сотворенной им шлокой. Улыбнувшись, Брахма говорит Вальмики: «По моей воле твои уста исторгли эти слова и стихотворный размер этот прославит тебя. Сочини же историю о Раме. Поведай, о мудрейший, все, что тебе известно о Раме, Лакшмане, дочери Джанаки и племени ракшасов. Неизвестное да откроется тебе, и да будет поэма твоя правдива от первого слова до последнего. И да будет Рамаяна жить среди людей, пока стоят горы и катят свои волны моря». Промолвив это, Брахма исчез.

Вальмики, обитавший в уединенной хижине вместе со своими учениками, решает создать великую поэму, дарующую людям добродетель и процветание. Вальмики предается медитации и воссоздает в памяти историю, услышанную от Нарады. И вот Рама и Сита, Лакшмана и Дашаратха с его женами, смеющиеся и плачущие, со всеми своими слабостями и своей силой предстают перед его внутренним взором столь же ясно, как видится плод пальмы на ладони. Вальмики постигает не только то, что было, но и то, что будет. Только после того, как вся история запечатлевается в его памяти, Вальмики начинает излагать ее в шлоках. Всего составляет он двадцать четыре тысячи стихов. Теперь перед поэтом стоит задача сделать поэму достоянием людей. Для этой цели он избирает Кушу и Лаву, достойных сыновей Рамы и Ситы, живущих в лесном скиту. Царевичи сведущи в толковании Вед, владеют музыкальным искусством, наделены множеством добродетелей. Вальмики обучает юношей Рамаяне до тех пор, пока они не запоминают поэму от первого слова до последнего. Куша и Лава столь искусно читают поэму, что кажется, будто они были очевидцами истории. Братья отправляются в город Рамы Айодхью, где Рама принимает их за отшельников. Здесь, при дворе Рамы, Куша и Лава впервые читают людям Рамаяну.

⁷ Риши – мудрец или священнослужитель, один из «семи риши» – сыновей Брахмы, отождествляемых с семью звездами Большой Медведицы. (Примеч. авт.)

Дашаратха и жертвоприношение коня

Город Айодхья (Несокрушимый) был столицей великой страны Кошалы. Все жители этой страны были счастливы, образованны, искренни, милосердны и крепки в вере. Владыка страны – Дашаратха – во всем походил на Ману и сиял среди своих подданных, словно луна среди звезд.

Дашаратху окружали мудрые советники, среди которых были Кашьяпа и Маркандея, священнослужители Васиштха и Вамадева. Одному из мудрецов, по имени Ришьяшринга, Дашаратха отдал в жены свою дочь Санту. Министры царя, искушенные в политике, сведущие в законе и красноречии, славились своей мудростью. Одно лишь мучит Дашаратху – он бездетен. Страстно желая обрести наследника, царь принял решение совершить жертвоприношение коня – величайшее из всех жертвоприношений. Призвав своих священнослужителей и других брахманов, он отдал необходимые распоряжения. Затем, вернувшись во внутренние покои дворца, Дашаратха рассказал своим трем женам о том, что намеревается сделать, и лица их засияли, словно цветы лотоса весной.

Через год, по возвращении выпущенного на волю коня, Ришьяшринга и Васиштха провели пышную церемонию жертвоприношения. Ришьяшринга поведал царю, что у него родится четверо сыновей, наследников и продолжателей рода. И возрадовался царь этой вести.

Вишну воплощается в облике Рамы и его братьев

Божества, собравшиеся, чтобы получить свою долю жертвенных даров, обратились к Брахме с такими словами:

– Свирепый ракшас Равана жестоко притесняет нас, и мы беспредельно страдаем, терпя его преследования, ибо ты даровал ему благословение: не может он пасть от руки гандхарвы, якшаса, ракшаса или бога. Тирания Раваны безмерна, а силы наши на исходе, поэтому заклинаем тебя, о владыка, придумай, как уничтожить его!

Брахма же отвечал:

– Злой ракшас не просил у меня защиты от человека, поэтому лишь человек может победить его.

Услышали эти слова боги, и воцарилась в их сердцах радость. Тут появился Великий Бог Вишну, восседающий на Гаруде, облаченный в желтые одеяния и держащий в руках жезл, диск и раковину. Боги почтительно приветствовали Вишну и обратились к нему с просьбой воплотиться в четырех сыновей Дашаратхи и избавить мир от нечестивого ракшаса. Лотосоокий Вишну предстал в четырех обликах, избрал Дашаратху своим отцом и исчез. Явившись в облике странного существа в жертвенном пламени Дашаратхи, Вишну приветствовал царя, заявив, что является посланником Бога.

– О тигр среди людей, – обратился к царю Вишну, – прими это божественное кушанье – рис и молоко – и раздели его между своими женами.

Возрадовался Дашаратха, взял сосуд с рисом и поспешил к царицам. Одну часть кушанья он дал Каушалье, вторую – Сумитре, третью – Кайкейи и четвертую – снова Сумитре. В свое время у Дашаратхи родились четверо сыновей – воплощения Вишну. Каушалья подарила царю Раму, Кайкейи – Бхарату, а Сумитра – близнецов Лакшману и Шатругхну. Имена царевичам дал Васиштха.

Между тем боги сотворили могучих обезьян, храбрых, мудрых и проворных, способных менять облик. Они должны были помогать Вишну в его борьбе с ракшасами.

Сыновья Дашаратхи мужали, превосходя всех храбростью и добродетелями. Особенной любовью отца и всего народа пользовался Рама. Юноша был сведущ не только в толковании Вед, прекрасно управлял слоном, лошадью и колесницей и был истинным зеркалом добродетели. Лакшмана посвятил свою жизнь Раме, ни на минуту не расставаясь с братом. Как верная тень, Лакшмана следовал за Рамой, делился с ним последним, охранял на охоте. Шатругхна же был привязан к Бхарате. Так безмятежно текла жизнь сыновей Дашаратхи, пока Раме не исполнилось шестнадцать лет.

В это время пришел в Айодхью великий риши Вишвамित्रа. Рожденный кшатрием, он, благодаря своим неслыханным аскетическим подвигам, добился положения брахмана. Он жил в уединенной обители Сиддхашрама и явился в столицу просить милости у Дашаратхи. Ракшасы Марича и Суваху по наущению злобного Раваны постоянно мешали Вишвамित्रе совершать жертвоприношения, оскверняли жертвенный огонь. Только Рама мог одолеть этих демонов. Дашаратха с величайшей радостью принял Вишвамитру и обещал исполнить любое желание мудреца, но, когда узнал, что его возлюбленный сын Рама должен будет подвергнуть свою жизнь опасности, сразившись с демонами, царь потерял сознание. Казалось, словно жизнь покинула его. Но нарушить данное им слово Дашаратха не мог. Васиштха вселил уверенность в царя, заверив его в непременной победе Рамы, и вскоре, получив отцовское благословение, Рама и Лакшмана покинули дворец, ведомые Вишвамитрой.

Прохладный ветерок овеивал их лица, с неба дождем осыпались благоуханные цветы. Царевичи следовали за Вишвамитрой, вооруженные луками и мечами, облаченные в оде-

яния, усыпанные сверкающими драгоценностями. Словно сияющее пламя шли братья за риши.

Вскоре они достигли уединенного приюта Вишвамित्रы, и мудрец вместе с другими священнослужителями приступил к совершению жертвоприношения. Когда ракшасы, словно тучи, заслоняющие небо, ринулись к Вишвамित्रе, Рама ранил и обратил в бегство Маричу и Суваху и предал смерти их спутников. Когда жертвоприношения были совершены, Рама спросил, какую еще услугу он может оказать Вишвамित्रе.

Рама берет в жены дочь Джанаки

Вишвамित्रа ответил, что Джанака, царь Митхилы, собирается совершить важное жертвоприношение.

– Мы отправимся туда, и ты, о тигр среди людей, должен сопутствовать нам. У Джанаки есть чудесный лук. Когда-то боги подарили тот лук царю Деварате. Ни богам, ни гандхарвам, ни асурам, ни ракшасам, ни человеку – никому не под силу натянуть тетиву, хотя многие цари и царевичи пытались сделать это. Этому луку воздают почести, словно богу. Ты должен увидеть и лук, и великое жертвоприношение Джанаки.

И вот все брахманы, жившие в хижине, во главе с Вишвамитрой и в сопровождении Рамы и Лакшманы направились в Митхилу. Птицы и звери, обитавшие в Сиддхашраме, провожали Вишвамитру, чье единственное богатство заключалось в его аскетизме. По пути Вишвамित्रа рассказывал братьям древние легенды. Поведал он и историю рождения священной реки Ганг.

Узнав о приходе Вишвамитры, Джанака почтительно приветствовал великого аскета и усадил мудреца и сопровождавших его на места, согласно их положению. Увидев Раму и Лакшману, Джанака осведомился, кто эти юноши, подобные статье львам или слонам и видом своим напоминающие двух богов. Вишвамित्रа рассказал царю Джанаке историю сыновей Дашаратхи, поведал об их путешествии в Сиддхашраму и битве с ракшасами. Рама, сказал он, явился в Митхилу, желая увидеть чудесный лук.

На следующий день Джанака пригласил братьев к себе во дворец, чтобы показать лук. Но сначала он рассказал, что этот лук был преподнесен богам Шивой, а боги подарили его предку Джанаки – царю Деварате. Затем рассказал Джанака такую историю:

– Есть у меня дочь по имени Сита, не рожденная человеком. Я нашел ее в борозде, когда пахал поле. Только тому отдам дочь, кто сумеет согнуть лук. Многие цари пытались сделать это, но всех ждала неудача. Если Раме удастся согнуть лук, я отдам ему в жены свою дочь Ситу.

По приказу царя привезли лук. Он был настолько тяжел, что пять тысяч могучих богатырей едва тянули восьмико-лесную повозку, на которой лежал лук. Рама же вынул лук из сундука и с легкостью согнул его. Лук переломился надвое, издав звук, подобный раскату грома. Окружавшие Раму люди упали на землю, устояли лишь Вишвамित्रа, Джанака и Лакшмана.

Возрадовался Джанака, вознес хвалу Раме и велел готовить свадебный пир. Он отправил гонцов в Аойдхью, приглашая царя Дашаратху на свадьбу сына и испрашивая его благословения и согласия.

Вскоре два царя встретились и Джанака отдал Ситу в жены Раме, а ее сестру Урмилу – Лакшману. Две дочери младшего брата Джанаки – Кушадхваджи – стали женами Бхараты и Шатругхны. Четыре царевича со своими невестами трижды обошли вокруг жертвенного огня, свадебного помоста, царя и отшельников. С небес их осыпали благоухающие цветы, звучала волшебная музыка. Затем Дашаратха и его сыновья со своими женами вернулись домой, увезя с собой множество даров. В Айодхье их приветствовали Каушалья, Сумитра и стройная Кайкейи. Окруженные почетом и богатством, четверо царевичей счастливо жили в Айодхье со своими женами.

Из всех сыновей сильнее всего Дашаратха был привязан к Раме. Этот юноша, пользовавшийся любовью не только отца, но и всего народа, превосходил всех в добродетели, владел собою при любых обстоятельствах, никогда не гневался понапрасну. Он помнил каждое доброе слово и забывал тысячи обид. Он был искушен в Ведах и сведущ в искусствах, в политике и логике, поэзии, приручении лошадей и слонов, стрельбе из лука. Почитал стари-

ков, не кичился своим положением, никого не презирал, но пекся о благоденствии каждого. Чтил отца и мать, преданно любил братьев, особенно был привязан к Лакшману. Бхарата же и Шатругхна поселились в другом городе, у своего дяди Ашвапати.

Рама становится наследником

Пришло время Дашаратхе выбрать наследника. Царь много лет правил страной, и с каждым годом бремя власти становилось все тяжелее. При мысли о том, что наследником может стать Рама, сердце царя наполнила великая радость. Он созвал своих министров, советников и царей соседних государств, что находились в то время в Айодхье. Дашаратха торжественно обратился к собравшимся:

– Вам хорошо известно, что на протяжении многих лет я управлял этой страной, потечески заботясь о своих подданных. Я не думал о собственном счастье, а проводил свои дни, правя государством согласно дхарме. Теперь мне пора на покой, и наследником я хотел бы видеть своего старшего сына Раму. Надеюсь, вы одобрите мое решение.

Все присутствующие возрадовались, услышав слова царя. Они танцевали, подобно павлинам при виде грозových туч. Брахманы, военачальники, жители городов и сел собрались, чтобы обсудить решение царя.

– О повелитель, – сказали они, – мы рады будем видеть Раму твоим преемником, восседающим на слоне под царским покровом.

И снова царь обратился к собравшимся, желая увериться в их искренности:

– Почему вы хотите избрать Раму своим правителем?

И они ответствовали:

– О владыка, твой сын наделен множеством добродетелей, он возвышается над людьми, словно Сакра над богами. Он терпелив и всепрощающ, как земля, мудростью он не уступает Брихаспати. Он изрекает истину и искусно владеет луком. Благоденствие народа для него превыше всего. Он сведущ в музыке и справедлив. Ни милости, ни гнев не расточает он понапрасну. Он легкодоступен, хорошо владеет собой, ему нет равных в нападении и защите. Твой сын любим всеми. Воистину страна желает видеть его своим повелителем.

Тогда царь призвал к себе Васиштху, Вамадеву и других брахманов и повелел готовиться к коронации Рамы. Другим придворным Дашаратха наказал собрать золото, серебро и драгоценные камни, ритуальные сосуды, зерно, мед и масло, новые одеяния, оружие, колесницы, слонов, быка с позолоченными рогами, тигровую шкуру, жезл и полог, рис, молоко и творог, чтобы хватило прокормить сотни тысяч человек. Повсюду были развешаны знамена, улицы окроплены водой, все двери украшены цветочными гирляндами. Воины, танцоры и певцы готовились принять участие в празднестве. Царь послал за Рамой, луноликим героем, усладой глаз. Рама явился во дворец, сияющий, словно луна в ясном осеннем небе, и почтительно склонился к ногам отца. Дашаратха поднял его и усадил на приготовленное ему место – золотой трон, усыпанный драгоценными камнями. Рама, восседающий на троне, подобен был своему отцу. Царь рассказал сыну о принятом решении и объявил его своим преемником, дав при этом мудрый совет:

– Хотя ты и наделен всеми добродетелями, сын мой, но из любви к тебе и ради твоего блага позволь сказать тебе: не позволяй любви и гневу затуманить твой разум; следи, чтобы не опустела сокровищница, и пополняй запасы оружия; всегда будь в курсе того, чем живет твоя страна; пусть все будут равны перед лицом твоего правосудия, чтобы люди возрадовались.

Друзья Каушалы, матери Рамы, поспешили поведать ей о счастливом событии, и та в знак признательности за хорошую весть одарила их золотом, драгоценными камнями и скотом. Все жители города вернулись в свои дома, чтобы принести жертвоприношения богам.

И снова царь послал за Рамой, повелел привести его в свои покои и заговорил с ним.

– Сын мой, – сказал он, – завтра тебя возведут на трон. Но этой ночью привиделся мне дурной сон, а астрологи сказали, что звезде, под которой я родился, угрожают Солнце, Марс

и Раху. Поэтому ступай, о Рама, вместе со своей супругой Ситой в свои покои и проводи ночь соблюдая пост. Пусть друзья твои охраняют тебя, ибо даже добродетель может поддаться влиянию извне, и потому никто не знает, что может случиться.

Рама покинул отца и отправился в покои матери. Он нашел Каушалью в храме. Облаченная в шелковые одежды, она возносила благодарность богам и молилась за сына. Здесь же Рама нашел Лакшману и Ситу. Он почтительно поклонился матери и попросил ее подготовить все необходимое, чтобы они с Ситой могли провести ночь в посте. Затем он обернулся к Лакшману:

– О брат мой, правь страной вместе со мной, ибо ты и я – одно целое. Я хотел бы разделить с тобой свою жизнь и царство.

Затем Рама, испросив благословения у Васиштхи, вместе с Ситой отправился в свои покои.

В ту ночь улицы Айодхьи были заполнены людьми. Неумолчный шум голосов напоминал гул бушующего моря в полнолуние. Улицы были чисто выметены и политы водой, дома украшены гирляндами цветов и стягами, всюду ярко пылали факелы. У всех на устах было имя Рамы. Люди с нетерпением ожидали наступления утра.

Коварный план Кайкейи

Между тем мать Бхараты, Кайкейи, ничего не знала о намерении Дашаратхи сделать Раму своим преемником. Кайкейи была юна и очень красива. В ней не было злобы, но боги не наделили ее добротой и мудростью, поэтому она легко поддавалась чужому влиянию и часто действовала руководствуясь лишь своими желаниями. У Кайкейи была служанка – старая горбунья Мантхара, злобное и завистливое существо. Услышав радостные крики толпы и узнав, что царь назвал Раму своим преемником, она поспешила к своей хозяйке, чтобы сообщить ей эту ужасную новость.

– О неразумная, – запричитала Мантхара, – почему ты сидишь здесь сложа руки, когда над тобою нависла такая беда?

Кайкейи спросила служанку, что случилось.

– О царица, – ответила охваченная гневом Мантхара, – ужасная судьба ждет тебя, я страшусь неизбежного, горе и печаль переполняют меня. Ты – царица цариц, но твой супруг лишь делает вид, что любит тебя. В действительности же он коварен как змея и желает погубить тебя. Какие бы красивые слова он тебе ни говорил, в мыслях его одна только Каушалья. Он отослал прочь Бхарату, чтобы беспрепятственно посадить на престол Раму! Воистину, дочь моя, в лице своего супруга ты пригрела на груди змею! Поторопись же и сделай что-нибудь ради себя, своего сына и меня.

Однако слова Мантхары обрадовали Кайкейи. Она подарила горбунье драгоценный камень и сказала:

– Чем еще мне вознаградить тебя за такую чудесную весть? Я рада, что Рама станет преемником Дашаратхи. Рама и Бхарата одинаково дороги мне, и я не вижу между ними никакой разницы. Да благословят тебя боги за прекрасное известие!

Но горбунья разозлилась еще сильнее и отшвырнула прочь подарок Кайкейи.

– Воистину ты безумна, если радуешься своему несчастью. Какая разумная женщина будет радоваться тому, что сын другой столь возвысился? Ты превратишься в рабыню Каушальи, а твой сын Бхарата станет слугой Рамы.

Но и теперь в Кайкейи не заговорила зависть.

– К чему скорбеть о решении царя? – ответила она. – Рама – достойный наследник. Если царство будет принадлежать ему, оно будет принадлежать и Бхарате, ибо Рама любит братьев, как самого себя.

– Как же мало ты смыслишь в жизни, – горько вздохнув, сказала Мантхара, – если принимаешь зло за добро. Ты одарила меня за то, что я сообщила тебе о возвышении сына твоей соперницы! Между тем, будь уверена, взойдя на трон, Рама не замедлит отослать Бхарату в дальние края, а может быть, и в мир иной. Только Бхарата – его враг, ибо Лакшмана предан Раме, а Шатругхна любит Бхарату. Спаси Бхарату от Рамы, который не преминет напасть на твоего сына, словно лев на слона. Твоя соперница, мать Рамы, будет чинить тебе препятствия и сделает твою жизнь невыносимой. Горе тебе, если Рама взойдет на трон. Ты должна сделать все, что в твоих силах, чтобы удалить Раму и сделать наследником твоего сына.

Теперь в груди Кайкейи бушевали гордость и зависть. Она покраснела от гнева, тяжело вздохнула и сказала Мантхаре:

– Я сделаю все, чтобы Раму тотчас услали прочь, а Бхарате отдали трон. Придумай, как это осуществить.

Тогда Мантхара напомнила царице о данном ей некогда обещании: когда-то в великой битве с ракшасами Дашаратха был ранен, жизнь почти покинула его. Кайкейи отыскала мужа на поле брани, перенесла его в безопасное место и исцелила. В тот день Дашаратха обещал

жене выполнить два ее желания. Тогда Кайкейи сказала, что воспользуется обещанием мужа, когда наступит время.

– Теперь это время настало, – прошипела Мантхара. – Ступай к царю и попроси его исполнить два твоих желания: возвести Бхарату на трон и отослать Раму в лес на четырнадцать лет. За это время власть Бхараты окрепнет и народ так полюбит его, что Рама больше не будет представлять опасность для твоего сына. Ступай же, сними свои драгоценности, надень простую одежду, в разговоре с царем не поднимай на него глаз. Ты – его возлюбленная супруга, он не откажет тебе ни в чем и сделает все, чтобы утешить тебя. Он будет предлагать тебе золото и драгоценные камни, но ты должна стоять на своем и заставить царя выполнить обещание.

Так Кайкейи ступила на путь зла. Подстрекаемая злой горбуньей, царица позволила увести себя, словно несмышленого жеребенка, с праведного пути. Она горячо поблагодарила Мантхару и пообещала щедро наградить ее, когда Бхарата взойдет на трон. Потом она сняла с себя все украшения и богатое платье, всплеснула руками и воскликнула:

– Знай же, либо Рама будет изгнан, а мой сын станет царем, либо я умру. Если Раму не отошлют в лес, мне ни к чему богатые одеяния, напитки и яства, мне не для чего будет жить.

И лицо царицы помрачнело, подобно тому как звездное небо затягивается черными тучами.

Между тем незадолго до рассвета Дашаратха решил сообщить Кайкейи о предстоящей церемонии. Не найдя супругу в ее покоях, он отправился на поиски и обнаружил ее в Зале Гнева. Вступив в Зал, Дашаратха увидел юную царицу, распростершуюся на земляном полу, словно попавшаяся в сети голубка.

Ласково прикоснувшись к своей лотосоокой супруге, царь спросил, что повергло ее в такую печаль.

– Если ты больна, я позову лекарей. Если кто-то обидел тебя, назови его имя, и он будет наказан. Проси все, чего хочешь, тебе ни в чем не будет отказа.

Успокоенная словами мужа, Кайкейи ответила:

– Никто не нанес мне обиды, но у меня есть желание, исполнить которое в твоих силах. И Дашаратха поклялся именем Рамы, что исполнит любое желание царицы.

Возрадовавшись, Кайкейи сказала, в чем заключается ее желание, и призвала небеса и землю, день и ночь в свидетели того, что царь обещал выполнить ее волю. Кайкейи напонила Дашаратхе о битве с ракшасами и том, как она спасла ему жизнь, а он в благодарность обещал исполнить два любых ее желания. Так царь, словно олень, угодил в ловушку.

– Выслушай же мои желания, о царь, – произнесла Кайкейи. – Пусть Рама, облачившись в оленью шкуру, удалится в лес Дандака и проживет там, как отшельник, четырнадцать лет. Бхарату же сделай своим преемником и возведи на трон. Сдержи свое царское слово, как того требует твоя честь. Как говорят мудрецы, ничто так высоко не ценится в ином мире, как сдержанное слово.

Дилемма Дашаратхи

Горе обрушилось на Дашаратху, и разум его помутился. Придя в себя, он принялся умолять Кайкейи отказаться от задуманного. Долго он молил царицу, проливая горькие слезы. Порой ему казалось, что все происходящее – лишь дурной сон. Но Кайкейи стояла на своем, приводя в пример древних мудрецов – поборников истины. Она напомнила царю о Шиве, пожертвовавшем своей плотью ради голубя, который искал у него защиты от сокола, и об Аларке, отдавшем свои глаза брахману.

– Если же ты не сдержишь обещания, твое имя будет покрыто позором! – воскликнула Кайкейи.

Дашаратху обуяло безумие.

– Воистину, я связан по рукам и ногам путами долга – вот причина помрачения моего рассудка! – вскричал царь. – Все, чего я хочу сейчас, – увидеть Раму.

Взошло солнце, и Васиштха послал возничего Рамы сообщить царю, что все готово к церемонии коронации. Царь, лишившийся сил от горя, едва мог вымолвить слово. Он отправил возничего к Раме, прося сына прийти. Сказав Сите несколько ласковых слов, Рама поспешил к отцу. На роскошной колеснице он ехал по улицам, заполненным людьми, издававшими радостные крики.

Прибыв во дворец отца, Рама почтительно приветствовал царя и Кайкейи, но Дашаратха, сломленный горем, смог лишь едва слышно прошептать имя сына. Вздвигнутый Рама старался понять, что ввергло старика в такую печаль и чем он провинился перед отцом.

– О мать, – обратился он к Кайкейи, – какая печаль завладела сердцем отца?

– О Рама, – без тени стыда отвечала царица, – твой отец не страдает от хвори, он не опечален, но желает сказать тебе нечто, что может обидеть тебя. Ты же должен будешь исполнить то, что обещал мне твой отец. Когда-то повелитель обещал мне выполнить два моих желания. Теперь же он отказывается от своего слова, но старания его напрасны, ведь кому, как не тебе, знать, что истина – корень веры. Если ты пообещаешь исполнить приказ отца, я открою тебе, в чем он заключается.

– Не следовало бы тебе говорить мне это, – сказал Рама, – ибо по слову отца своего я готов шагнуть в огонь или выпить яд. Знай же, что я выполню его волю, слово Рамы крепко.

Тогда Кайкейи поведала Раме историю о двух желаниях и сказала:

– Узнай же мои желания: ты должен удалиться в лес Дандака и прожить там отшельником четырнадцать лет, а Бхарата сегодня взойдет на трон. Твой отец не смеет посмотреть тебе в глаза, но ты должен сохранить его доброе имя и выполнить обет.

Слова Кайкейи не опечалили и не разгневали Раму.

– Будь по-твоему, – ответил он, – меня печалит лишь грустный вид отца. Пусть немедленно пошлют гонцов за Бхаратой, а я отправлюсь в лес. Отец не вымолвил ни слова, но твоего приказа мне достаточно, царица. Позволь мне увидеться с матерью и утешить Ситу, а ты позаботься об отце и Бхарате.

Произнеся эти слова, Рама, сопровождаемый разгневанным Лакшманом, отправился в покои матери. Каушалья совершала подношения Вишну и другим богам. Радостно приветствовала она сына. Рама рассказал о случившемся: теперь преемником Дашаратхи станет Бхарата, а он, Рама, должен на четырнадцать лет удалиться в изгнание. Словно дерево, подрубленное дровосеком, Каушалья рухнула на пол и горько зарыдала.

– О сын мой, – воскликнула она, – если бы я была бесплодна, я бы страдала сейчас оттого, что нет у меня сына. Теперь же мое горе во много раз сильнее. Я – старшая из цариц и многое претерпела от молодых жен. Теперь же я стану служанкой Кайкейи. Она никогда не любила меня, что же мне ждать от нее теперь, когда меня будет презирать мой соб-

ственный муж? Двадцать семь лет твоей жизни я ждала, что страдания мои прекратятся, а теперь смерть медлит, не желая забирать меня. Аскетизм, милосердие – все было напрасно. О дорогой сын, я должна следовать за тобой в лес, как корова следует за теленком, ибо я не доживу до твоего возвращения, если останусь во дворце, среди своих соперниц. Возьми меня с собой!

Лакшмана, исполненный гнева и нетерпения, проклинал Дашаратху и понуждал брата оказать сопротивление Кайкейи и бороться за свои права. Но Рама, которого не прельщали мирские блага, отвечал брату:

– Кайкейи – лишь орудие в руках судьбы. Все сыновья в нашем роду выполняли волю своих отцов, и я поступлю так же, ибо это мой долг. И потому, мой добрый брат, – сказал Рама, – я последую воле отца.

Каушалье же он посоветовал:

– Царь запутался в сетях Кайкейи, и, если ты оставишь его, чтобы следовать за мной, он умрет. Ты должна остаться и служить ему, как велит долг. Ты будешь проводить время в поклонении богам и почитании брахманов.

Услышав эти слова, Каушалья успокоилась и благословила сына, препоручая его богам и риши, деревьям и горам, оленям в лесу и всем небесным обитателям. Она трижды обошла вокруг сына, снова и снова благословляя его. Затем Рама отправился к Сите.

Сита, не зная о происходящем, вскочила и приветствовала мужа. Не в силах больше скрывать свою горе, Рама рассказал о том, что случилось.

– Теперь царем станет Бхарата, – сказал он, – и ты не должна больше восхвалять меня, даже в кругу твоих друзей. Оставайся во дворце, вставай на рассвете, почитай богов, заботься о моем отце Дашаратхе и моей матери Каушалье, а также почитай и других цариц. Смотри на Бхарату и Шатругхну как на твоих сыновей или братьев, ибо они мне дороже моей собственной жизни. Оставайся здесь, а я уйду в лес.

Сита следует за Рамой в изгнание

Сита ответила мужу так:

– Слова твои не вызывают у меня ничего, кроме презрения. Они недостойны такого великого человека, как ты. О повелитель, отец, мать, сын, брат или невестка вправе делать то, что пожелают, но жена, о лучший из людей, должна разделить судьбу мужа. Следовательно, и мне было велено отправиться в лес. Куда пойдешь ты, туда пойду и я, пробираясь через густой кустарник и ступая по колючей траве. В лесу я буду столь же счастлива, как и в доме отца моего, я буду питаться кореньями и плодами. Я буду всюду следовать за тобой и есть то, что ешь ты. Я буду купаться в озерах, где плещутся дикие гуси, где водная гладь усеяна прекрасными цветами лотоса. Я буду счастлива с тобой, сколько бы времени нам ни было отпущено.

Рама старался отговорить жену, рассказывая о том, какие опасности таит в себе жизнь в лесу: там водятся хищные звери и ядовитые гады, пища скудна, голод, жажда и страх – вот постоянные спутники обитателей леса.

– Все эти опасности не страшат меня, покуда я с тобой, – отвечала Сита со слезами на глазах. – Скажу тебе больше: брахманы в отцовском доме предсказывали мне, что я буду жить в лесу. Когда я была совсем маленькой, к моей матери пришла йогиня и сказала то же самое. Я связана с тобою, как Савитри с Сатьяваном. Твое общество для меня – райское блаженство, а разлука – ад. Рядом с тобой я счастлива, ибо муж для жены – бог. Возьми меня в лес, чтобы я могла разделить с тобою радость и печаль, иначе я выпью яд, брошусь в огонь или утоплюсь!

Так говорила Сита, и слезы катились по ее лицу, словно капли дождя по лепесткам лотоса.

И Рама уступил жене:

– О прекрасноликая, если тебя не страшит жизнь в лесу, следуй за мной и раздели со мною праведную жизнь. Отдай же свои драгоценности брахманам и поспеши собраться в путь.

Сердце Ситы возрадовалось. Она отдала брахманам все свои богатства, оделила бедных и стала собираться в дорогу.

Лакшмана следует за Рамой

Теперь и Лакшмана со слезами на глазах распростерся у ног Рамы.

– Если ты отправляешься в лес, полный слонов и оленей, я последую за тобой, – сказал он. – Мы вместе будем жить в лесу, где слух улаживают песни птиц и жужжание пчел. Я буду всюду сопровождать тебя, отыскивать нужную тропу, носить луки, лопату и корзину, собирать для тебя коренья и плоды. Пока ты будешь отдыхать с Ситой на склоне холма, я буду выполнять любую работу.

Не удалось Раме переубедить Лакшману.

– Хорошо, – сказал он брату, – тогда попрощайся с родными и возьми доспехи и сверкающее как солнце оружие, что дал мне Джанака в качестве приданого за своей дочерью. Раздай все мои богатства брахманам.

Затем Рама, Сита и Лакшмана пошли попрощаться с Дашаратхой, Каушальей и другими царицами. Благородный брахман по имени Сумантра, видя сломленного горем царя и всей душой сочувствуя Раме, умолял Кайкеи изменить свое решение. Однако царица была непреклонна. Когда же Дашаратха пожелал отдать Раме все богатства Айодхьи и отправить вместе с ним в лес лучших людей города, Кайкеи пришла в ярость. Она хотела, чтобы Рама ушел ни с чем, а все сокровища достались Бхарате.

– Что мне делать с этим богатством в лесу? – промолвил Рама. – Пусть принесут мне одежду из древесной коры, лопату и корзину.

Кайкеи поспешила выполнить пожелание царевича и принесла одежду из коры для Рамы, Лакшманы и Ситы. При виде грубой одежды Сита, облаченная в шелка, затрепетала, словно голубка, попавшая в силки, и горько заплакала. Все присутствующие принялись уговаривать Раму оставить Ситу во дворце, а Васиштха обратился к Кайкеи со словами упрека:

– Не было уговора, что Сита тоже отправится в лес. Пусть она останется во дворце и займет место Рамы, ибо сказано, что жена – половина мужа. Пусть она правит вместо Рамы, потому что Бхарата откажется занять трон брата. Знай же, Кайкеи, что все живое на земле чтит Раму. Звери и птицы последуют за ним, деревья склонятся перед ним. Позволь Сите взять с собой ее богатства и слуг, когда последует она за Рамой.

Дашаратха отдал Сите ее одеяние и драгоценности. Царевна, отложив одежду из древесной коры, снова облачилась в шелка и засияла, словно солнце. Сумантра тем временем запрягал лошадей в колесницу Рамы. Каушалья подошла к Сите проститься и наказала ей исполнять долг жены, почитать своего супруга, пусть даже лишенного богатства и власти.

– Скорее луна погаснет, чем я отрекусь от мужа, – сказала Сита. – Как молчит лютня без струн и не едет колесница, лишенная колес, так и жена, разлученная с мужем, не познает счастья. Как могу я расстаться с супругом, презреть свой долг?

Прощаясь, Рама обратился к отцу и царицам:

– Если я обидел кого-то по недомыслию или сделал что-то не так, прошу простить меня.

Затем он вместе с Ситой и Лакшманой трижды обошел вокруг царя и отбыл.

Рама, Лакшмана и Сита взойшли на сияющую золотую колесницу, взяв с собой оружие, лопату, корзину и вещи Ситы, отданные ей Дашаратхой. Сумантра хлестнул лошадей, и они помчались, словно ветер. Всех в городе переполняло горе. Люди с криками бежали за колесницей Рамы, словно страдающие от жажды путники, завидевшие воду. Даже мать Рамы бежала за колесницей.

– Гони быстрее, – обратился тогда Рама к возничему, ибо, как бы храбр ни был царевич, он не осмеливался оглянуться назад.

Вскоре Рама был уже далеко. Дашаратха же обернулся к Кайкейи и сказал, что больше не желает видеть ее и разрывает связывающие их узы.

– Проводите меня к матери Рамы, – попросил он, – ибо лишь рядом с нею я обрету покой.

Рама, Сита и Лакшмана в изгнании

Два дня Рама гнал колесницу и наконец достиг границ Кошалы. Обернувшись в сторону Айодхьи, он попрощался со своей землей и народом.

– О лучший из городов, – сказал он, – я прощаюсь с тобой и богами, что покровительствуют тебе. Исполнив свой долг, я вернусь и снова увижу тебя, отца и мать.

Затем Рама и его спутники пересекли границы богатого царства Кошалы и ехали по счастливой и плодородной земле, пока не увидели благословенную Гангу с ее кристально чистыми водами, излюбленное место отдыха богов. Здесь Раму приветствовал Гуха, правитель страны Нишадха. Он повелел накормить коней Рамы и всю ночь охранял сон путников, а когда первые лучи рассвета позолотили небо, Гуха приказал приготовить лодку. Рама попросил принести древесного сока и вместе с Лакшманой смочил себе этим соком волосы, уложив их в прическу, которую носят отшельники, живущие в лесу. Попрощавшись с Гухой и возничим Сумантрой, Рама бросил последний взгляд в сторону Айодхьи. Когда лодка достигла середины реки, Сита принялась молиться Ганге, царице рек, прося даровать им благополучное возвращение через четырнадцать лет и сопровождая свои молитвы подношениями.

Переплыв реку, путники устроились на ночлег под большим деревом. Рама и Лакшмана отправились на охоту и добыли кабана. Братья договорились охранять Ситу и друг друга. Лакшмана должен был идти первым, за ним Сита и Рама. Изгнанники долго не могли уснуть. Они говорили об Айодхье. Из опасения, что злая Кайкейи будет чинить матери страдания, Рама попросил Лакшману вернуться и оберегать Каушалю. Он упрекал отца за то, что тот позволил женщине завлечь себя в ловушку. Лакшмана успокоил брата.

– Не плачь, – сказал он, – ибо твои страдания ранят наши с Ситой сердца. О Рама, я не могу жить без тебя, как не может жить рыба, извлеченная из воды. Я не хочу возвращаться без тебя к отцу, не хочу видеть Шатругхну, Сумитру, даже небеса мне не в радость без тебя.

Рама утешился и вместе с Ситой заснул под деревом, а Лакшмана охранял их сон.

На следующий день они достигли священного места, где Ганга сливается с Джамной. Здесь путники увидели хижину Бхарадваджи. Мудрец с радостью приветствовал гостей. Он посоветовал им отправиться к горе Читракута.

– Там вы сможете обрести пристанище, – сказал Бхарадваджа. – Вы будете жить в густом лесу, населенном павлинами, могучими слонами и оленями. Вас будут окружать реки, луга, пещеры и источники, слух ваш будут улаживать крики павлинов и рев оленей, там вы найдете себе пропитание – корни и плоды.

Мудрец рассказал путникам, как найти дорогу к горе Читракута. Сперва следовало пересечь бурные воды Джамны, затем миновать большую смоковницу Шьяма и, наконец, пройти через лес.

Попрощавшись с Бхарадваджей, Рама, Сита и Лакшмана пересекли Джамну на плоте и подошли к Шьяме. Сита вознесла молитвы Джамне, совершив подношения реке и моля о благополучном возвращении Рамы. Она поклонилась и смоковнице Шьяме, обратившись к ней со сложенными руками:

– О великое дерево, кланяюсь тебе. Да исполнит мой супруг свой долг, и да пошлют нам боги счастье снова увидеть Каушалю и Сумитру.

Встречая по дороге незнакомые ей деревья и цветы, Сита засыпала Раму вопросами, а Лакшмана срывал для нее цветы и плоды. И ручьи, и крики павлинов, и слоны, и обезьяны – все улаждало взор и слух Ситы.

На второй день путники подошли к горе Читракута, где находилось жилище Вальмики. Риши тепло приветствовал гостей, и Рама рассказал ему о случившемся в Айодхье.

Затем Лакшмана принес ветви деревьев и братья построили добротную хижину с крышей из листьев. После этого Лакшмана отправился на охоту, принес оленя и зажарил его. Рама совершил священный ритуал в честь богов. Войдя в свой новый дом Сита, Лакшмана и Рама возрадовались и перестали горевать о своем изгнании.

Смерть Дашаратхи

Айодхья погрузилась в печаль, и не найти было ее жителям утешения. На пятый день изгнания Рамы, когда Каушалья, вне себя от горя, позволила себе упрекнуть царя, Дашаратха вспомнил о злодеянии, совершенном им в молодости. Теперь настала пора пожинать плоды, подумал царь. В тот же день он поведал Каушалье о своем грехе:

– В юности я был искусным лучником и славился тем, что мог попасть в цель не глядя, по одному лишь звуку, издаваемому зверем. Тогда я еще не был женат на тебе, о Каушалья. Это случилось в один из дней, когда после целой череды дней иссушающей жары пошел дождь. Лягушки и павлины издавали радостные крики, листва деревьев трепетала от ветра и дождя, по холмам стекали потоки воды. В этот день я отправился на охоту к реке Сараю. Здесь я услышал звук, похожий на тот, что издает кувшин, наполняемый водой. Было темно, и я ничего не видел, но, решив, что это слон, я выпустил стрелу в направлении издаваемого звука. Услышав громкий стон, я выбежал на берег и увидел отшельника, пронзенного моей стрелой. Он попросил меня привести его отца, живущего неподалеку, и вскоре умер. Я разыскал отца и мать несчастного, которые уже начали тревожиться из-за долгого отсутствия сына, и рассказал им о содеянном мною. Риши, который одним своим словом мог стереть меня в прах, пощадил меня, ибо я был честен с ним. Во время совершения погребального обряда погибший сын явился отшельникам в виде божественного существа, возносящегося на небо. Тогда родители его вступили в погребальный костер и, умирая, проклинали меня, предсказав, что мне самому суждено умереть, горюя о сыне.

– Теперь я понимаю, о царица, что пожинаю плоды содеянного мною. Воистину глуп тот, кто совершает поступки, не задумываясь о последствиях! Тот, кто срубает манговое дерево, не дожидается плодов. Так же и со мною: я умру от горя, не дождавшись Рамы. Я словно лампа, чей свет угасает, когда заканчивается масло. О Рама, о Каушалья, о несчастная Сумитра, о жестокая Кайкейи!

Стеная и плача, царь Дашаратха скончался.

Когда весть о его смерти достигла жителей Айодхьи, страна погрузилась в скорбь, ибо в государстве без царя царит хаос, на смену дождям приходит засуха, люди не радуются жизни, в стране нет процветания. Страна без царя – все равно что безводная река, лес без травы, стадо без пастуха. Царь для народа отец и мать, от него зависит благосостояние подданных. Понимая это, Васиштха собрал министров и священнослужителей на совет. Решено было послать гонцов к Бхарате с просьбой незамедлительно прибыть в Айодхью. Однако гонцы не должны были извещать Бхарату об изгнании Рамы и смерти отца. В колесницы гонцов были впряжены лучшие кони, быстрые как ветер, и уже к вечеру они достигли благословенного города Гиривраджа в стране Кекайи, где у своего дяди по материнской линии жил Бхарата.

В ту ночь Бхарате снились дурные сны.

– Кому-то из нас – мне, Раме, Лакшмане или царю – угрожает смерть, – сказал он.

Вскоре после этого прибыли гонцы из Айодхьи. Бхарата тепло встретил их и осведомился, в добром ли здравии пребывают отец, царицы и братья. Гонцы заверили его, что все в порядке. Услышав о том, что неотложные дела требуют его присутствия в Айодхье, Бхарата простился с дядей и дедом и отбыл домой. С собой он увозил богатые дары: одежду, шкуры слонов и оленей, собак, быстрых скакунов. Однако, мучимый дурными предчувствиями, Бхарата не радовался подаркам. Сопровождаемый Шатругхной, он спешил в Айодхью.

На рассвете седьмого дня пути сын Кайкейи достиг этого лучшего из городов. При виде пустынных и погруженных в тишину улиц Бхарата опечалился и вступил во дворец с тяжелым сердцем. Не найдя отца в его покоях, царевич отправился к матери и припал к ее

ногам. Обрадованная, Кайкейи поднялась со своего золотого кресла и спросила у сына, как прошло его путешествие. Бхарата поведал матери обо всем, а затем спросил об отце.

– Где же повелитель? Я хочу припасть к его ногам, – сказал он. – Обычно он проводит время с тобой, но твои покои и твоя постель пусты. Может быть, он у Каушалы?

– Твой отец ушел туда, куда уходят со временем все живые, – ответила Кайкейи, ослепленная блеском власти.

Потрясенный обрушившимся на него горем, Бхарата долго плакал.

– Да будет благословен Рама и все, кто был с ним в этот горький час. Но где же он, где Рама, который отныне не только брат и друг мне, но и отец? Я его верный слуга и хочу припасть к его ногам. Ступай же и сообщи ему о моем приезде. И расскажи мне, как умер мой отец и каковы были его последние слова на смертном одре?

Кайкейи рассказала Бхарате, как умер Дашаратха.

– «Да благословенны те, кто увидят возвращение Рамы, Лакшманы и Ситы!» – вот что произнес твой отец, умирая, – сказала Кайкейи.

Страшась услышать о других несчастьях, Бхарата спросил, где же теперь сын Каушалы, Сита и Лакшмана.

– Облачившись в одежду из древесной коры, Рама вместе с Ситой и Лакшманой ушел в лес Дандака, – ответила царица и рассказала сыну историю про обещания, данные ей когда-то царем, думая тем порадовать Бхарату. Но он лишь разгневался и стал упрекать мать, обвиняя ее в смерти Дашаратхи:

– Ты словно змея, которую отец пригрел на своей груди, не зная, что губит тем свой род. Как же мало ты знаешь о моей любви к Раме! Только потому, что ты – моя мать, я не отрекаюсь от тебя! Знай же, что царство – тяжелое бремя для меня, но, даже если бы это было не так, я не принял бы его. Я верну Раму и буду служить ему, а тебя ждут страдания не только в этой жизни, но и в ином мире. Приличествует тебе отправиться в изгнание или закончить свою жизнь с веревкой на шее!

Услышав голос Бхараты, в покои Кайкейи вошла Каушаля, сопровождаемая Васиштхой, и приветствовала царевича. Руководимый мудрым риши, Бхарата совершил погребальный обряд по Дашаратхе и вместе с царицами обошел вокруг погребального костра, а спустя десять дней собрал пепел. Видя, что Бхарата по-прежнему безмерно горюет об отце, Васиштха попытался утешить его, рассказывая о рождении и смерти и о парах противоположностей – горе и радости, здоровье и хвори, которые составляют неотъемлемую часть человеческой жизни.

Правление Бхараты

На четырнадцатый день министры обратились к Бхарате с просьбой занять трон. Однако царевич отказался, заявив, что отправится на поиски Рамы. Когда приготовления к походу были завершены, он взошел на колесницу и отправился в путь. За царевичем следовали шесть тысяч других колесниц и тысяча слонов, сотня тысяч всадников и придворные, жители Айодхьи – торговцы, гончары, ткачи, оружейники, ювелиры, водоносы, актеры. В числе сопровождавших Бхарату были ученые и уважаемые брахманы.

Пересекая страну Гухи, Бхарата встретился с царем и с риши Бхарадваджей.

– Не упрекай Кайкейи, – сказал царевичу мудрец, – ибо изгнание Рамы послужит во благо людям и богам, асурам и отшельникам.

Покинув аскета, Бхарата со своей армией направился к горе Читракута и достиг приюта Рамы. Сойдя с колесницы, царевич припал к ногам брата. Облаченный в шкуру черного оленя, Рама восседал в своей хижине, крытой листьями. Он был подобен пламени, этот львиноликий, лотосоокий царевич. Рядом с Рамой находились Сита и Лакшмана. При виде брата Бхарата зарыдал и пал ниц. Рама поднял его с земли, поцеловал и спросил о здоровье Дашаратхи. Бхарата рассказал брату обо всем, что случилось в его отсутствие. Он умолял Раму вернуться в Айодхью и занять трон, принадлежащий ему по праву, однако Рама отказался.

– По велению отца и матери я отправился в лес, как же могу я вернуться? Тебе должно править, ибо такова была воля отца. Не вини Кайкейи, ведь послушание – первый долг всякого сына, жены и ученика. Воля отца – закон, но не годится прекословить и воле матери.

– Если царство принадлежит мне, – отвечал Бхарата, – значит, я могу подарить его тебе. Прими же мой дар.

Но Рама не согласился и остался глух к мольбам и просьбам Бхараты, Каушалы, Васиштхи и прочих. Тогда Бхарата попросил у брата его золотые сандалии и, почтительно склонившись перед ними, сказал так:

– Я стану отшельником и четырнадцать лет проживу за пределами Айодхьи, передав власть над страной твоим сандалиям. Если по истечении этого времени ты не вернешься, я вступлю в огонь.

– Да будет так, – сказал Рама, обняв Бхарату и Шатругхну. – Но не держи зла на Кайкейи, будь добр к ней. Об этом мы с Ситой просим тебя, Бхарата.

Возложив сандалии Рамы на спину слона, Бхарата пустился в обратный путь, сопровождаемый своей армией. Прибыв в Айодхью, он торжественно поместил сандалии брата на трон и удалился за пределы города, возложив на себя обязанности наместника.

Рама же решил покинуть Читракуту, и тому было две причины. Орды ракшасов из ненависти к царевичу стали досаждают жившим здесь отшельникам. Кроме того, это место напоминало Раме о горе брата и слезах матери. Вместе с Ситой и Лакшманой Рама отправился в Дандаку, укрывшись в этом густом лесу подобно солнцу, спрятавшемуся за тучами.

Жизнь в лесу

Рама, Сита и Лакшмана шли через лес, приветствуя каждого встреченного отшельника. Великие аскеты, обитавшие в своих хижинах, просили у Рамы защиты от ракшасов. Однажды Сита сказала, что настало время сложить оружие, отринуть жизнь воина и обратиться к аскетизму, избегая причинять боль любому живому существу, включая ракшасов.

– Оружие изменяет того, кто его носит, – промолвила Сита.

Рама же ответил, что не может вести иную жизнь, ибо связан долгом и обещаниями, данными отшельникам.

Десять лет Рама прожил в лесу, переходя из одной отшельнической обители в другую. Однажды злой ракшас по имени Вирадха схватил Ситу, задумав похитить ее, но Рама и Лакшмана одолели его. В другой раз Рама повстречал могучего орла. Звали его Джатаю, и был он давним другом Дашаратхи, отца Рамы. Джатаю обещал Раме помогать ему во всем и защищать Ситу во время отлучек Рамы и Лакшманы.

Наконец Рама, Сита и Лакшмана достигли Панчавати. Неподалеку текла река Годавери, берега которой украшали цветущие деревья. Воды реки кишели рыбой, в лесу бродили стада оленей и раздавались крики павлинов, холмы пестрели цветами. В этом благословенном месте Лакшмана построил бамбуковую хижину с крышей из листьев и ровным земляным полом. Вскоре сюда явился и Джатаю. Рама, Сита и Лакшмана счастливо зажили в новом доме.

В один из дней Рама, Сита и Лакшмана сидели, мирно беседуя друг с другом, как вдруг у их хижины появилась ужасная уродливая ракшаси, сестра Раваны. Звали ее Шурпанакха. Увидев Раму, ракшаси вспылала к нему любовью. Отвергнутая Рамой, она обратила свой взор на Лакшману, но и тот не ответил ей взаимностью. Разъяренная Шурпанакха набросилась на Ситу. Тогда Лакшмана выхватил свой меч и отрубил ракшаси нос и уши. Истекая кровью, она бросилась прочь. Отыскав своего брата Кхару, младшего брата Раваны, Шурпанакха рассказала о случившемся. Гнев Кхары был ужасен. Он немедленно призвал четырнадцать ракшасов и велел им убить Раму, Лакшману и Ситу и принести их кровь Шурпанакхе, чтобы она могла напиться ею. Но Рама схватил свой лук и сразил ракшасов стрелами.

Обезумев от ярости, Кхара собрал целую армию из четырнадцати тысяч демонов, способных изменять облик, могучих и жестоких. Даже дурные предзнаменования не остановили Кхару, столь велико было его желание отнять жизнь у трех человеческих существ.

В преддверии великой битвы Рама отослал Лакшману и Ситу в укромную пещеру и облачился в свои доспехи, собираясь биться не на жизнь, а на смерть. Боги, духи и небесные существа собрались посмотреть на сражение. Армия ракшасов напоминала бурное море или грозную тучу. Они так яростно потрясали оружием, что лесные божества в страхе бежали прочь. Лишь Рама не устрасился. Без усталости метал он копья и стрелы в ракшасов, и так силен был его натиск, что демоны отступили, ища защиты у Кхары. Тот снова и снова посылал на битву своих воинов, вооружившихся вырванными с корнями деревьями и камнями. Но усилия их были напрасны, Рама сразил всех демонов и встретился лицом к лицу с самим Кхарой. Словно лев со слоном бились они, и солнце померкло, заслоненное тучами стрел. Наконец огненной стрелой Рама сразил Кхару. Увидев это, боги возрадовались и осыпали героя благоухающими лепестками цветов. Из своего убежища вернулись Сита и Лакшмана.

Гнев Раваны

Весть о поражении ракшасов достигла ушей Раваны. Демон, вестник несчастья, стал подстрекать Равану отомстить Раме, похитив Ситу. Раване это предложение пришлось по вкусу, и он отправился на поиски Маричи. Марича, однако, посоветовал Раване отказаться от похищения Ситы, считая это мероприятие невыполнимым. Переменив свое решение, Равана вернулся в Ланку.

Двадцать рук и десять голов было у Раваны. Он восседал на своем золотом троне, словно пылающий огонь, поддерживаемый жертвенными возлияниями. Все тело его было покрыто шрамами, оставшимися после сражений с богами.

Убийцей брахманов, похитителем чужих жен – вот кем был этот ужасный демон. Могуч и силен был Равана, боги, духи, звери и птицы не могли причинить ему вреда. Представ перед братом, Шурпанакха явила ему свои раны и рассказала о Раме и Сите. Горько упрекала она Равану за то, что тот не отомстил убийце своего брата. Равана должен похитить Ситу, говорила Шурпанакха, и сделать ее своею женой. Взойдя на колесницу, Равана отправился в лес, чтобы еще раз посоветоваться с Маричей, обитавшим в уединенной хижине и предававшимся аскезе.

Марича снова попытался отговорить Равану от похищения Ситы.

– Легко ты не отделаешься, – предупреждал он, – рассердившись, Рама перебьет всех демонов и разрушит Ланку.

Но Равана пропустил эти мудрые слова мимо ушей, считая, что легко справится с Рамой. Он обвинил Маричу в том, что тот замышляет недоброе, и пригрозил ему смертью. Устрашившись, Марича согласился помочь Раване, хотя и обуревали его дурные предчувствия. Обрадовавшись, Равана посадил Маричу в свою колесницу и направился в обитель Рамы, собираясь хитростью заманить Ситу в ловушку.

Золотой олень

Послушный воле Раваны, Марича превратился в золотого оленя и стал бродить возле хижины Рамы. Рога его были словно из драгоценных камней, уши – словно лазоревые цветы лотоса, шкура нежна, как лепестки цветов, копыта черны как ночь, а хвост переливался всеми цветами радуги. Спина чудесного оленя была усеяна золотыми и серебряными пятнами. Так, в образе оленя, бродил Марича по лесу, стараясь попасться на глаза Сите. Увидев оленя, Сита пришла в восторг. Она немедленно позвала Раму и Лакшману, моля их поймать чудесное животное. Словно замороженный смотрел Рама на оленя и не внимал предостережениям Лакшманы, убежденного, что в образе животного перед ними предстал ракшас.

– Даже если и так, – ответил Рама, – я должен поймать и убить его. Оставайся здесь, и вместе с Джатаю охраняйте Ситу. Я скоро вернусь и принесу шкуру оленя.

То удаляясь, то подпуская Раму ближе, волшебный олень завел царевича в лесную чащу. Утомленный погоней, Рама присел в тени большого дерева. Выждав, пока олень подойдет ближе, он выпустил в него свою чудесную стрелу. Олень высоко подпрыгнул и рухнул на землю, издавая громкие стенания. Перед смертью Марича вернул свой истинный облик и, вспомнив слова Раваны, решил отвлечь Лакшману, побудив его расстаться с Ситой.

– Ах, Сита! Ах, Лакшмана! – воскликнул демон голосом Рамы.

Услышав этот крик, Рама устранился и поспешил вернуться в Панчавати, оставив бездыханного Маричу.

Голос мнимого Рамы достиг ушей Ситы. Полная тревоги, она велела Лакшману спешить на помощь Раме и горько упрекала его, видя, что Лакшмана не торопится выполнять ее просьбу. Лакшмана же медлил, ибо верил, что Рама непобедим. Кроме того, ему было поручено охранять Ситу.

Назвав Лакшману бессердечным чудовищем, Сита обвинила его в вероломстве. Не стерпев обиды и несмотря на многочисленные дурные предзнаменования, Лакшмана поспешил в лес на поиски Рамы, постоянно оглядываясь на Ситу и страшаясь за нее.

Похищение Ситы

Между тем Равана принял облик странствующего йога. Опираясь на посох, он подошел к Сите, ожидающей возвращения Рамы. Природа затаилась, ощутив присутствие демона, – листья на деревьях перестали трепетать, ветер стих, даже течение реки Годавери замедлилось. Так прекрасна была Сита, что Равана не мог оторвать от нее глаз. Он обратился к царевне, восхваляя ее несравненную красоту, заклинал Ситу покинуть полный опасностей лес и отправиться с ним в чудесный дворец. Приняв Равану за брахмана, Сита принесла ему пищу и воду и поведала свою историю. Затем она захотела узнать, как зовут странника и из какой он семьи. В ответ лжебрахман признался, что зовут его Раваной и он не кто иной, как повелитель демонов.

– Я служанка господина моего Рамы, – ответила Сита на предложение Раваны стать его женой. – Супруг мой – лев среди людей, он непоколебим как скала, могуч как океан, обликом он подобен Индре. Разве под силу тебе вырвать зуб у льва или переплыть океан с камнем на шее? Даже не пытайся сравниться с Рамой, это все равно что достать солнце и луну. Ты и Рама как шакал и лев, кот и слон, тонкий ручеек и океан, железо и золото. Ты украл жену Индры, и тебе это сошло с рук, но, если ты похитишь меня, супругу Рамы, тебя неминуемо ждет смерть.

Разговаривая с Раваной, Сита трепетала от страха, как лист на ветру.

Желтые глаза Раваны покраснели от ярости, миролюбивое выражение лица сменилось ужасающей гримасой. Он вернул себе истинный облик, и Сита увидела перед собою десятиголовое двадцатирукое чудовище. Схватив царевну, Равана взмошел на золотую колесницу и устремился в небо. Сита громко закричала, призывая Раму и Лакшману.

– К вам, о деревья и цветы, зываю я, – восклицала она, – и к тебе, Годавери, и к вам, лесные божества, и к оленям, и к птицам! Скажите господину моему Раме, что Равана похитил меня!

Тут Сита заметила на дереве орла Джатаю и взмолилась о помощи. Джатаю пробудился ото сна, увидел Равану и Ситу и заговорил с демоном, пытаясь образумить его. Джатаю предупредил Равану, что за похищение жены Рама покарает его смертью.

– И пока я жив, – сказал Джатаю, – тебе не украсть добродетельную Ситу. Я сброшу тебя с твоей колесницы и буду сражаться с тобой не на жизнь, а на смерть!

Вне себя от гнева, Равана напал на Джатаю, и в небе разгорелась страшная битва. Равана осыпал повелителя орлов стрелами, а Джатаю наносил демону раны клювом и когтями. Множество стрел пронзило тело орла, но он успел сломать два лука Раваны и разбил его колесницу. Равана упал на землю, прижимая к себе Ситу. Видя, что Джатаю утомлен, демон снова взмыл в воздух и, взмахнув мечом, отсек орлу крылья. Спрыгнув на землю, Сита подбежала к умирающей птице и припала к ее груди, но Джатаю остался недвижим. Схватив Ситу, Равана поднялся в небеса и понесся прочь. Вся природа оплакивала царевну: цветы лотоса увяли, солнце потемнело, горы водопадами изливали свои слезы и вздымались к небу свои вершины, словно руки. Лесные божества трепетали от страха, все живое погрузилось в скорбь. Но Брахма, видя уносимую демоном Ситу, возрадовался.

– Окончены наши труды, – сказал он, предвидя скорую гибель Раваны.

Отшельники одновременно плакали и радовались, сожалея о Сите и торжествуя при мысли о близкой кончине демона.

Вдруг Сита увидела на вершине горы пять обезьян. Незаметно от Раваны она бросила им свои украшения и золотую накидку в надежде, что обезьяны отнесут весть Раме. Миновав леса, горы и безбрежное море, Равана достиг наконец великого города Ланки. Вступив во дворец, демон направился в свои покои и запер Ситу в одной из комнат, приставив к ней

охрану. Затем он отправил шпионов следить за Рамой. Вернувшись в покои, Равана показал Сите свой дворец, сады и сокровищницу и снова предложил царевне стать его женой, но Сита в ответ лишь безмолвно лила слезы. Наконец, собравшись с духом, она решительно отвергла все предложения ракшаса и предсказала ему смерть от руки Рамы, а также гибель всех его подданных. Равана перешел от мольбы к угрозам. Призвав ужасных демонов, он велел им сломить волю Ситы при помощи уговоров или угроз. Беспомощная Сита чувствовала себя словно голубка посреди стаи разъяренных псов.

Ярость Рамы

Убив Маричу, Рама возвращался из леса с тяжелым сердцем. Встретив по дороге Лакшману, он упрекнул его в том, что тот оставил Ситу одну. Рама услышал пронзительный вой шакала, считавшийся плохим предзнаменованием, и его охватило дурное предчувствие. Братья поспешили к Сите. Войдя в хижину, Рама увидел, что она пуста и Сита исчезла. В поисках жены он осмотрел все заросли, берега реки, пещеры в горах. В отчаянии Рама обращался к деревьям, животным и птицам, надеясь хоть что-то узнать о судьбе Ситы. Ракшасы, наверное, убили ее, подумал Рама, чтобы отомстить за смерть Кхары. Но тут он подошел к месту битвы Джатаю и Раваны. Повсюду были разбросаны обломки оружия и колесницы демона. Увидев умирающего Джатаю, Рама принял его за ракшаса, сожравшего Ситу, и собирался убить его. Но Джатаю, собрав последние силы, слабеющим голосом поведал Раме обо всем, что случилось, и Рама, отбросив прочь свой лук, припал к груди могучей птицы. Джатаю рассказал о Раване и попытался ободрить Раму, заверив, что царевич непременно победит демона и вернет Ситу. Вскоре жизнь покинула повелителя орлов.

– Ах, Лакшмана, – застонал Рама, оплакивая гибель друга, – эта царственная птица жила долго и счастливо и покинула этот мир из-за меня: Джатаю отдал свою жизнь, пытаясь спасти Ситу. И среди птиц и животных есть свои герои. Я скорблю об этой птице, умершей ради меня, сильнее, чем даже о потере Ситы.

Затем Лакшмана принес хворост и братья развели костер, совершив погребальный обряд, достойный брахмана. Рама читал мантры, чтобы Джатаю скорее очутился в обители богов.

Совершив все положенные ритуалы в честь повелителя орлов, павшего в битве за правое дело, Рама и Лакшмана пустились на поиски Ситы. Вскоре они встретили в лесу ужасного ракшаса. С большим трудом удалось братьям одолеть его. Однако, получив смертельную рану, демон возрадовался. Оказалось, что он не всегда обладал ужасным обликом. Когда-то за свою жестокость он навлек на себя проклятие отшельника, и суждено ему было оставаться ракшасом, пока не явится Рама и не нанесет ему смертельную рану. Рама и Лакшмана сложили погребальный костер и возложили на него тело демона. Восстав из огня в своем истинном облике, он вступил на небесную колесницу. Перед тем как вознестись в небесную обитель, он посоветовал Раме искать помощи у царя обезьяньего народа Сугривы и четырех других обезьян, обитавших на горе Ришьямука.

– Отнесись к этой царственной обезьяне с должным почтением, – сказал демон, – ибо Сугрива храбр, могуществен, мудр, способен изменять свой облик и хорошо знает привычки ракшасов. Заключи с ним союз, обменяйтесь клятвами верности, и с его помощью ты наверняка вернешь Ситу.

Затем демон вознесся на небо, указав Раме путь к Ришьямуке. Миновав обитель Матанги, Рама и Лакшмана достигли поросшей лесом горы Ришьямука у озера Пампа.

Союз Рамы и Сугривы

Рама и Лакшмана подошли к горе Ришьямука, где обитал Сугрива. Здесь, на поросших лесом склонах горы, повелитель обезьян жил в изгнании, лишенный царства и жены по воле своего жестокосердного брата Бали. Увидев двух большеглазых героев с оружием, Сугрива решил, что они посланы Бали, чтобы убить его. Скрывшись в чаще, Сугрива послал Ханумана, принявшего облик аскета, расспросить незнакомцев. Лакшмана рассказал Хануману обо всем, что случилось, и открыл, что Рама ищет Сугриву, дабы заключить с ним союз. Решив, что и Сугриве не помешает помощь в возвращении власти и супруги, Хануман отвел братьев к обезьяньему царю. Хануман разложил костер, и, обойдя вокруг него, Рама и Сугрива поклялись друг другу в верности. Затем Сугрива рассказал Раме свою историю и попросил помощи. Рама обещал убить злого Бали, а Сугрива в ответ дал слово вернуть Ситу. Он рассказал Раме о том, что видел царевну, уносимую Раваной, и показал брошенные ею украшения и накидку. Рама тотчас узнал их, а Лакшмана сказал:

– Я не узнаю эти браслеты и серьги, но мне хорошо знакомы ножные браслеты, ибо я не осмеливался поднять глаза на Ситу и поклонялся ее ногам.

Как гласит история, Рама отправился вместе с Сугривой в его царство, убил Бали и вернул Сугриве трон. Миновало четыре месяца непрерывных дождей. Наконец небо прояснилось и земля подсохла. Сугрива кинул клич, и на его зов явились сотни тысяч, миллионы обезьян со всех концов – из Гималаев, Виндхьи и Кайласа, с востока и запада, из пещер и лесов. И вот вся армия собралась перед Сугривой. Повелитель обезьян хотел передать командование войском Раме, но тот отказался, сославшись на то, что Сугрива лучше его знает, как управлять этой могучей армией обезьян.

Поиски Ситы

Готовясь выступить в поход, Рама, Лакшмана и Сугрива столкнулись с препятствием: они не знали о Раване ничего, кроме его имени. Им неизвестно было, где он обитает и где скрывает Ситу. Тогда Сугрива разослал обезьян во все концы земли с наказом отыскать обиталище Раваны. Но самые большие надежды Сугрива возлагал на Ханумана, ибо этот сын бога ветра обладал энергией отца, ничто не могло укрыться от его зоркого глаза, он был храбр, мудр и дипломатичен. Видя, что Сугрива уверен в Ханумане, Рама обрадовался – теперь его надежда отыскать Ситу окрепла. Он дал Хануману свое кольцо, по которому Сита должна была узнать его.

Хануман поклонился Раме и во главе отряда отбыл на юг, а Рама остался с Сугривой дожидаться его возвращения. Через месяц прибыли отряды обезьян, отправленные на север, запад и восток. С великим сожалением они сообщили, что не обнаружили следов Ситы. Отряд под командованием Ханумана, обыскав все леса и горы, вышел на берег могучего океана. Прошел месяц, а им так и не удалось найти Ситу. В печали сидели обезьяны на берегу океана, не осмеливаясь вернуться к Сугриве.

В пещере по соседству обитал старый мудрый орел Сампати. Услышав, что обезьяны упоминают в разговоре имя его брата Джатаю, Сампати вышел из пещеры и принялся расспрашивать обезьян о Джатаю. Услышав рассказ обезьян, Сампати сказал, что видел Ситу, уносимую Раваной, и что Равана живет в Ланке, за морем.

– Ступайте туда, – сказал он, – и отомстите за похищение Ситы и смерть моего брата. Я наделен даром предвидения и точно знаю, что Равана и Сита сейчас находятся в Ланке.

Сита в Ланке

В сердцах обезьян зародилась было надежда, но при виде безбрежного океана они вновь опечалились. Никто из них не в состоянии был преодолеть такое расстояние. Только Ангада, сын Бали, мог прыгнуть на сто лиг, но сил вернуться у него бы уже не хватило. Тогда Джамбаван, благородная обезьяна, обратился к Хануману и напомнил о его происхождении. Хануман был сыном бога ветра и апсары Анджаны. В детстве Хануман думал, будто солнце – это плод, зреющий в небе, и легко подпрыгивал на три тысячи лиг вверх, пытаясь достать его. А когда бог ветра в гнев чуть не уничтожил небо и землю, Брахма умиротворил его, обещав сделать его сына неуязвимым. Индра же одарил Ханумана возможностью самому решать, когда умирать.

– Теперь, о героическая обезьяна, настало время явить свою силу. Перепрыгни океан, – сказал Джамбаван Хануману, – ибо мы взираем на тебя как на отважного воина, превосходящего всех нас в ловкости и доблести.

При взгляде на гордого и могучего Ханумана сердца обезьян наполнялись радостью. Он поднялся на гору Махендра, и все живое содрогалось под его поступью. Сознавая, что действовать ему придется в одиночку и ни на чью помощь рассчитывать не приходится, Хануман обратил свои молитвы к солнцу, горному ветру и всему сущему, чтобы обрести уверенность в своих силах. Он неизмеримо увеличился в размерах и стоял, подобно пламени, с развевающимися волосами, издавая громоподобный рев и потрясая хвостом.

– Я найду Ситу или приволоку Равану в цепях, – подумал Хануман, прыгнул ввысь, разметав растущие на горе деревья, и понесся в Ланку.

Бог океана, желая помочь Хануману, воздвиг посреди океана гору Маинаку, поросшую лесом, богатую плодами и кореньями. Но верный долгу Хануман не опустил на гору, чтобы отдохнуть, а продолжил свой путь. Потом из пучин океана появилась ужасная ракшаси по имени Сингхика. Готовясь пожрать Ханумана, она широко распахнула свою необъятную пасть, но он скользнул в рот ракшаси и, увеличившись в размерах, погубил ее. Достигнув берега, Хануман вернул себе свой истинный облик. Несмотря на то что ему пришлось преодолеть океан, обезьяна не испытывала усталости.

Город Ланка возвышался на горе, опоясанный золотой стеной. Дома в этом городе размерами не уступали горам. С нетерпением Хануман ждал захода солнца. Затем, уменьшившись до размеров кота, он, не замеченный стражей, проскользнул в город. Ланка казалась ему женщиной, чьим одеянием служил океан, а башни на стенах напоминали груди. Хануман осматривал город, когда путь ему внезапно преградила богиня Ланки. Не желая сражаться с женщиной, Хануман лишь толкнул ее в грудь, и богиня покорно склонилась перед ним. Наконец Хануман достиг дворца Раваны, возвышающегося на вершине горы и защищенного стеной и рвом. Ярко светила полная луна, плывущая по небу словно лебедь. В лунном свете Хануман разглядел обитателей дворца, но Ситы среди них не было, и сердце его исполнилось горя. Переходя от одного дома к другому, он внимательно осматривал жилища демонов и наконец приблизился к дворцу Раваны, сверкающему золотом и драгоценными камнями. Повсюду искал Хануман Ситу, ничто не ускользало от его внимания. Золотые лестницы, покои – все осмотрел он, но царевны не нашел. Вдруг его ноздрей коснулся аромат изысканных яств и напитков. Он словно говорил Хануману: «Ступай туда, где находится Равана». Ведомый ароматом, Хануман вступил в покои Раваны. Здесь, на роскошном ложе, тяжело дыша, спал демон. Его огромное тело украшали великолепные драгоценности, чудовищные руки покоились на белом покрывале, словно пятиголовые змеи. Ложе освещали четыре золотых светильника. Вокруг Раваны возлежали его жены, прекрасные словно луна, украшенные драгоценными украшениями и никогда не вянущими гирляндами из благоухающих цветов.

Утомленные красавицы крепко спали. Одна крепко сжимала в руках лютню, словно обнимала возлюбленного. Другая словно танцевала во сне. Здесь же Хануман увидел и любимую демоном царицу Мандодари, превосходящую прочих жен Раваны красотой. Должно быть, это и есть Сита, подумал Хануман, и эта мысль окрылила его. От радости он принялся прыгать и танцевать, но вскоре сомнение закралось в его сердце.

– Разлученная с Рамой, Сита не в силах была бы есть, пить и спать. Она не могла одарить своей любовью Равану, ибо никто не сравнится с Рамой, – решил Хануман.

Он снова пустился на поиски царевны. Многих красавиц видел он в покоях Раваны, но Ситы не было среди них. Отчаявшись, Хануман подумал, что ракшасы, должно быть, убили и съели Ситу. Опечаленный, он покинул дворец и уселся на городской стене.

– Если я вернусь без Ситы, – размышлял он, – все мои усилия окажутся напрасными. Да и что скажут Сугрива, сыновья Дашаратхи и обезьяний народ? Без сомнения, Рама и Лакшмана умрут от горя, а вслед за ними – Бхарата и Шатругхна, потом наступит черед их матерей. Увидев это, друг Рамы Сугрива тоже умрет, погибнут его жены, Ангада и все обезьянье племя! Никогда больше благородные обезьяны не соберутся под сенью деревьев, горькие стенания услышу я по возвращении. Обезьяны лишат себя жизни, приняв яд или спрыгнув с высокой горы. Значит, мне нельзя возвращаться, лучше уж умереть от голода. Останусь здесь и снова обыщу Ланку, а заодно и лес, что растет за ее стенами.

Приняв решение, Хануман мысленно обратился к Раме и Сите, к Шиве, Индре, ветру, луне и огню, к Сугриве. Вознося молитвы, он спрыгнул со стены и устремился в лес, как стрела, выпущенная из лука. Лес поразил Ханумана. Никогда прежде он не видел столь прекрасных благоухающих деревьев, усыпанных яркими цветами. Одно дерево стояло особняком, окруженное серебряной оградой. Хануман забрался на него, уверенный, что, если Сита находится в лесу, она непременно придет к этому чудесному дереву. С вершины дерева он увидел мраморный дворец с коралловыми лестницами и сияющими золотыми полами. На сверкающем полу лежала женщина, ослабевшая, облаченная в грязные одежды. Среди охранявших ее ужасных ракшасов она казалась ланью, окруженной разъяренными псами.

Хануман решил, что эта несчастная пленница – Сита, ибо она напоминала луну, зашедшую за тучу, и на ней были украшения, о которых говорил Рама. Хануман утер слезы радости и подумал о Раме и Лакшмане. Но пока он сидел на дереве, в лес явился очнувшийся ото сна Равана со своими многочисленными женами. Они следовали за супругом, словно вспышки молнии за грозовой тучей, а их ножные браслеты издавали звон.

Хануман говорит с Ситой

Равана приблизился к Сите, и она, увидев его, затрепетала, словно колеблемая ветром листва дерева. Закрыв лицо, царица зарыдала. Демон же снова принялся уговаривать Ситу стать его женой, соблазняя ее своими несметными богатствами и прельщая властью. Отвергнув все притязания Раваны, Сита пригрозила ему смертью от руки Рама. Разъяренный демон дал ей два месяца на раздумья. Если по истечении этого срока сердце Ситы не смягчится, сказал он, ее ждет ужасная смерть. Препоручив царицу ракшасам, Равана вернулся в свои покои. Пытаясь укрыться от демонов, угрожавших ей пытками, Сита бросилась под сень дерева, на котором прятался Хануман.

Он хотел заговорить с царицей, но боялся испугать ее или привлечь внимание сторожей и тем самым погубить себя. Пожалуй, он смог бы убить ракшасов, но усталость не позволила бы ему пересечь океан. Прячась в ветвях дерева, Хануман стал шепотом рассказывать о добродетелях и подвигах Рама, и Сита слышала его. Затаив от страха дыхание, она подняла глаза и увидела обезьяну. Спустившись с дерева, Хануман приблизился к Сите и почтительно поклонился ей. Назвавшись, царица стала расспрашивать о Рама, и Хануман рассказал обо всем, что случилось, поведал о Рама и Лакшмане. Сита была так счастлива, словно видела перед собой своего возлюбленного. Ободренный, Хануман решил подойти поближе, но Сита отпрянула, решив, что перед ней изменивший облик Равана. Много усилий потребовалось Хануману, чтобы убедить Ситу в том, что он друг Рама. Наконец он показал ей кольцо мужа. Сита испытывала одновременно радость и печаль. Ее безмерно обрадовала весть о том, что Рама жив и здоров, но его горе опечалило ее.

Хануман предложил Сите перенести ее через океан. Отдавая должное его силе, она все-таки ответила отказом, потому что боялась упасть в воду в случае, если ракшасы пустятся в погоню. Кроме того, она не хотела, чтобы к ней прикасался кто-либо, кроме Рама, и чтобы честь ее освобождения принадлежала кому-то другому, а не ее супругу.

– Поспешите же и приведите сюда Рама, – умоляла она Ханумана.

Восхищенный мудростью и скромностью Ситы, Хануман попросил у нее какой-либо знак, который он мог бы предъявить Рама в знак доказательства того, что говорил с Ситой. Тогда она рассказала обезьяне о происшествии с вороном, о котором было известно только ей и Рама. Это случилось давно, когда они еще жили в Читракуте. Кроме того, Сита дала Хануману драгоценный камень, украшавший ее волосы, и просила передать его Рама и Лакшмане с мольбой о спасении. Взяв украшение и поклонившись Сите, Хануман приготовился отправиться в обратный путь.

– Вот тебе еще одно доказательство нашей встречи, – промолвила Сита, перед тем как распрощаться с храброй обезьяной. – Напомни Рама о том дне, когда у меня на лбу стерлась *тилака* и он нарисовал мне другую красной глиной. Передай ему мои слова: «О Рама, приходи скорее, ибо минуло уже десять месяцев с того дня, как я видела тебя в последний раз, и еще месяц мне не выдержать!». Удачи тебе, о храбрая обезьяна!

Хануман сжигает Ланку

Но Хануман не удовлетворился тем, что нашел Ситу. Словно ветер он пронесся по лесу, валя деревья и разрушая золотые беседки. Ракшасы бросились к Раване за помощью. Услышав, что от руки могучей обезьяны уже пало множество его слуг, демон призвал искусного лучника Джамбумали, приказав его убить Ханумана. Джамбумали удалось ранить обезьяну, пустив стрелу с крыши храма, но Хануман, схватив вырванное с корнем дерево, с силой швырнул его в лучника и поразил его. Ракшасы под предводительством принца Акши набросились на Ханумана и все как один встретили свою смерть. Миллионы стрел обрушились на Ханумана, но не причинили ему вреда. Подумав, военачальник ракшасов понял, что обычным оружием обезьяну не убить. Тогда он метнул в Ханумана копье Брахмы. Сраженный волшебным оружием, Хануман рухнул на землю. Решив, что лучший выход в этой ситуации – переговоры с Раваной, он позволил демонам пленить себя. Увидев, что Хануман не сопротивляется, ракшасы крепко связали его. Они не знали, что стоило веревкам коснуться тела Ханумана, как оружие Брахмы утратило силу. Однако мудрая обезьяна и виду не подавала.

– Кто он? Чего он хочет? – бесновались демоны. – Убьем его, сожжем его, съедим его!

Представ перед министром Раваны, Хануман сказал, что прибыл в Ланку в качестве посланника Рамы. Он поведал историю Рамы и посоветовал Раване сохранить свою жизнь, отдав Ситу. Разгневавшись, Равана хотел убить Ханумана, но советники напомнили ему, что нельзя предать смерти того, кто назвался послом. Тогда, поддавшись жажде мести, Равана велел поджечь хвост Ханумана. Следуя приказу, ракшасы обвязали хвост обезьяны тканью, смоченной в масле, и подожгли его. Но у храброй обезьяны уже был план. Хануман не противился, когда Равана повелел провести его по улицам Ланки. При свете дня он хотел получше разглядеть городские укрепления. Услышав, что Ханумана с пылающим хвостом проведут по улицам города и во всеуслышание будут называть шпионом, Сита опечалилась.

– О бог огня, – взмолилась она, – если я была верна своему господину, сжался над Хануманом и не причини ему вреда.

Вняв мольбам Ситы, пламя стало холодным.

Видя, что огонь по-прежнему горит, но уже не причиняет ему вреда, Хануман понял, что этим чудом он обязан Раме и Сите. Увеличившись в размерах, он разорвал путы, взмыл в небо и принялся летать над Ланкой, поджигая дворцы со всеми их сокровищами. Уничтожив половину города и убив множество ракшасов, Хануман потушил хвост, опустив его в море.

Хануман возвращается к Раме

Впрочем, Хануман тут же раскаялся в содеянном, подумав, что Сита могла погибнуть в огне.

– Сжечь Ланку – нехитрое дело, – рассуждал Хануман, – но, если Сита погибла, я не выполнил приказ Рамы и скорее умру, чем вернусь к нему. Но может быть, Сите удалось избежать смерти благодаря своим добродетелям? Огонь, пощадивший меня, несомненно, не тронул благородную царевну.

Подумав так, Хануман поспешил в рощу и обнаружил там Ситу. Обменявшись приветствиями, они снова заговорили о Раме. Хануман заверил Ситу, что супруг вскоре явится к ней на помощь. Затем он взмыл в небо, словно крылатая гора, и понесся через океан, издавая громоподобный рык и размахивая хвостом. Вскоре он достиг Махендры. Увидев своего героя, обезьяны возрадовались. Они не сомневались, что Хануман выполнил поручение и нашел Ситу. Одни обезьяны пели и плясали, размахивая ветками деревьев, другие отправились собирать плоды и корни для Ханумана. Когда все обезьяны собрались на вершине Махендры, Хануман поведал о том, что сделал, Ангаде и Джамбавану.

Услышав рассказ Ханумана, Ангада повернулся к обезьянам.

– О благородные обезьяны, – сказал он, – наша миссия исполнена. Настало время вернуться к Сугриве.

– Поспешим же, – ответили обезьяны.

Во главе с Ангадой они словно ветер понеслись к Раме. Встретив царевича, Ангада рассказал ему о Сите и передал все, что она просила, не забыв превознести храбрость Ханумана. Рама засыпал Ханумана вопросами о Сите, и Хануман рассказал все, что ему было известно. Он передал царевичу слова Ситы о вороне и тилаке, а также показал драгоценное украшение, что Сита сняла с волос. При виде украшения Рама горько заплакал, оно живо напомнило ему о царевне. Но весть о том, что Сита жива и Хануман нашел ее, безмерно обрадовала Раму.

Он воздал хвалы Хануману, вернейшему из слуг, который сделал больше того, что от него ждали, ибо просто хороший слуга делает лишь то, что велят, а плохой не исполняет и того.

– Хануман, – сказал Рама, – сделал больше, чем требовалось, и мне жаль, что я не могу отплатить тем же, но я искренне признателен ему.

Произнеся эти слова, Рама обнял Ханумана, как брата.

Не медля ни минуты, Сугрива отдал приказ своему войску выступать в поход, целью которого была осада Ланки.

– Можешь считать, что Ланка взята, ибо я razорил половину города. Такой армии, как эта, не составит труда довершить дело, – сказал Хануман, рассказав Раме о городских укреплениях.

Обезьянье войско, ведомое Рамой и Сугривой, двинулось в путь. По дороге к ним присоединились медведи под предводительством Джамбавана⁸. Преодолев горы и леса, армия вышла к Махендре и остановилась на берегу океана. Здесь обезьяны разбили лагерь. Рама

⁸ Джамбаван Джамбавантха – в индийской мифологии (Рамаяна) медведь-губач, предводитель племени медведей. Возглавлял войско медведей в военном походе Рамы на Шри-Ланку, в то время как Ангада, Хануман, Нала, Нила и Сугрива возглавляли воинство ванаров. Завидев вдалеке Мегандху, вызвал его на поединок. Но Индраджит усмехнулся, сказав, что не будет сражаться с немощным старцем, и метнул в него трезубец, но Джамбавантха поймал его на лету и метнул ответно, сразив врага наземь и затем откинув, доказав ему свою силу, невзирая на возраст. Мегандха вынужден был скрыться в саду Никумбала, бежав с поля боя на покаяние, где был побежден Лакшманой. Джамбавантха убил льва, захватившего самоцвет под названием Сиамантака. Считался старшим сыном Браммы и отцом Джамбавати, жены Кришны. (Примеч. ред.)

немедленно созвал совет, чтобы решить, как организовать переправу. Вокруг лагеря выставили охрану, чтобы ракшасы не застали армию врасплох.

Вибхишана покидает ракшасов

Тем временем Равана в Ланке тоже созвал совет, ибо говорят мудрецы, что победа – плод размышлений.

– Вам известно, что Хануман опустошил Ланку. Узнайте же, что Рама достиг берега океана во главе армии обезьян и медведей. Он не остановится ни перед чем. С него станет осушить океан или построить мост, и тогда он осадит город. Подумайте о том, как лучше защитить его, – обратился Равана к своим советникам.

Одни военачальники посоветовали Раване доверить командование армией сыну – принцу Индраджиту. Другие же полководцы – Прахаста, Никумбха и Ваджрахану – заверяли, что и одни справятся с обезьяньей армией. Вибхишана, младший брат Раваны, дал другой совет:

– К силе следует прибегать лишь в том случае, когда все прочие возможности, включая примирение, исчерпаны. Насилие навлечет на нас гнев богов. Что может принести нам противостояние с Рамой, который силой не уступает богам? Разве предполагали мы, что Хануман способен причинить нам столько вреда? Во имя нашего спасения, лучше отпустить Ситу к ее господину.

Продолжая увещевать брата, Вибхишана последовал за ним в его покои.

– С того самого дня, как Сита вступила в Ланку, нас преследуют дурные предзнаменования: в домах плодятся змеи, коровы перестали давать молоко, во дворце воют шакалы. Верни Ситу, или мы все погибнем, и вина за это ляжет на тебя.

Однако Равана не внял разумным словам брата. Он не отпустит Ситу, заявил демон, даже если боги ополчатся против него.

До сих пор Равана не применял насилие к царевне, но только потому, что был связан проклятием Брахмы. Однажды демон похитил женщину и надругался над нею. Брахма пригрозил Раване, сказав, что, если он осмелится сделать это снова, голова его разлетится на тысячу осколков. Теперь, изнуренный страстью, словно лошадь долгой дорогой, Равана отчаянно желал смерти Рамы и обладания Ситой. Он снова созвал военный совет, и Вибхишана опять предпринял попытку образумить брата. В ответ Равана проклял его, обвинив в трусости и предательстве.

– Я действовал тебе во благо, – сказал оскорбленный Вибхишана, – но ты отверг мой совет, подобно больному, который, находясь на пороге смерти, отказывается от лекарства.

С этими словами Вибхишана и четыре военачальника взлетели и понеслись через океан в лагерь обезьян. Представ перед Рамой, они заявили о своем желании заключить с ним союз. Большинство обезьян, не испытывая доверия к ракшасам, требовало предать их смерти, но Рама согласился на предложение Вибхишаны. В обмен на помощь в войне с демонами он пообещал ракшасу отдать ему трон Ланки после смерти Раваны.

Мост Рамы

Хануман, Сугрива, Рама и Вибхишана собрались на совет, чтобы решить, как армии обезьян преодолеть океан. Вибхишана предложил обратиться к богу океана. Только он мог помочь построить мост. Расстелив на берегу ковер, Рама опустился на него, обратившись лицом к востоку и сложив руки. «Или океан поможет мне, или я умру», – подумал он. В полном молчании, сосредоточившись на одной мысли, царевич провел на берегу три дня, но океан безмолвствовал. Рассердившись, Рама схватил свой лук и пообещал осушить океан. Он выпустил в воду несколько стрел, и вода запылала, поднялась буря, встревожившая богов-отшельников. С криками они метались по небу. Но океан по-прежнему молчал. Тогда Рама натянул тетиву и приготовился выпустить в воду стрелу с заклинанием Брахмы. Небеса и земля потемнели, горы содрогнулись, в небе вспыхнули молнии. Все живое устрасилось, пучины океана пришли в движение, и явился Раме бог океана в богатых одеяниях, украшенных драгоценными камнями. За ним следовали реки – Ганга, Синдху и прочие. Приблизившись к Раме, бог промолвил:

– О Рама, тебе известно, что каждой стихии присущи свои свойства. Моя природа такова, что переправиться через меня нельзя. Никак не могу я заставить воды прекратить свое вечное движение. Но ты можешь построить мост, а я помогу ему устоять.

Слова бога успокоили Раму, но стрела Брахмы все еще ждала своей цели, и вынуть ее из лука было невозможно.

– Куда мне пустить стрелу? – спросил Рама у бога океана.

– Есть в моих владениях место, где обитают ужасные твари, пусти стрелу туда, – ответил тот.

Рама натянул тетиву и пустил стрелу. Пылающая стрела осушила часть океана, теперь там, где плескались волны, раскинулась пустыня. Но Рама благословил выжженную землю, сделав ее плодородной.

– О Рама, в твоей армии есть обезьяна по имени Нала. Это сын Вишваркармы, искусного зодчего. Пусть он строит мост, а я помогу ему, – сказал бог океана.

– Океан сказал правду, – признался Нала. – Я не сказал тебе, что я – зодчий, только потому, что ты не спрашивал меня прежде.

По велению Рамы обезьяны принялись носить бревна и камни для моста. Одни таскали бревна, другие – камни, третьи плотничали. В первый день было построено четырнадцать лиг, на пятый день мост был закончен. Он вышел широким и прочным. Обезьянье войско переправилось через океан, Раму и Лакшману перенесли на себе Сугрива и Ангада. Шествуя по мосту, обезьяны прыгали, взмывали в воздух, и крики их заглушали рев океана.

Осада Ланки

Воистину страшны были предзнаменования грядущей битвы: земля содрогалась, тучи проливались кровавым дождем, нестерпимо сверкало солнце. Вдохновленные этими знаменениями, сулящими гибель ракшасам, обезьяны издавали громоподобное рычание. Рама смотрел на Ланку, башни которой словно пронзали небо, и сердце его печалилось при мысли о Сите, томящейся в этом городе. Построив войско, он велел осадить Ланку.

Тем временем шпионы Раваны, принявшие обличье обезьян и посланные в лагерь противника, вернулись к своему повелителю и принесли неутешительные вести о непобедимости Рамы. Под впечатлением от увиденного они посоветовали Раване отдать Ситу. Разгневанный демон отослал лазутчиков прочь и отправил вместо них другой отряд. Но и эти посланцы вернулись с тем же. У Раваны было два выхода – либо сразаться с Рамой, либо вернуть ему Ситу. Но Равана не собирался сдаваться. Желая подчинить себе Ситу, он заявил ей, что обезьянье войско разбито, а Рама убит. В качестве доказательства Равана предъявил царевне призрачную голову Рамы и его лук. Горе Ситы было безмерно, она упала на землю, стелая и моля Равану о смерти. В это время к Раване явился гонец от военачальника, он просил повелителя как можно скорее явиться на поле боя. Стоило Раване уйти, как призрачные голова и лук исчезли, и Сита поняла, что демон пытался обмануть ее.

Рама ранен

Рашкасы, следовавшие за Вибхишаной в стан Рамы, обернулись птицами и, осмотрев укрепления Ланки, возвратились в лагерь обезьян. Войско Рамы осадило Ланку, при этом у восточных ворот, защищаемых Прахастой, встал отряд Нилы; у западных ворот, защищаемых Махапаршвой, – отряд Ангады; у южных ворот, защиту которых возглавлял принц Индраджит, разместился со своим отрядом Хануман, а сам Рама атаковал северные ворота, защищаемые Раваной. В качестве посла от Рамы явился к демону Ангада и вызвал его на бой. Забыв о неприкосновенности посла, Равана хотел убить Ангаду, но тот ловко подпрыгнул, проломив крышу дворца, и вернулся к Раме. Обезьяны перелезли через ров и принялись карабкаться на городские стены, издавая громкие крики, вселяющие страх в сердца ракшасов. Полчища обезьян и медведей, вооружившись вырванными с корнем деревьями и камнями, бросились на штурм ворот, крича: «Победа Раме! Победа Сугриве!» Ракшасы ринулись в бой. Битва была ужасной, воздух звенел от яростных криков, по земле заструились реки крови. До самого вечера сражались обезьяны и ракшасы. Демоны с нетерпением ждали захода солнца, ибо ночью их силы должны были удвоиться. Наконец опустилась ночь и ракшасы принялись теснить обезьян, пожирая своих врагов тысячами. Некоторое время отряду Рамы удавалось сдерживать напор демонов и даже нанести поражение Индраджиту.

Но принц прибег к магии и, став невидимым, выпустил в Раму и Лакшману свои страшные стрелы. Не в силах защититься от чар Индраджита, Рама и Лакшмана упали на землю, покрытые тысячами ран.

Сугрива, Хануман, Вибхишана и прочие военачальники обезьяньего войска со слезами на глазах стояли возле павших героев. Индраджит, невидимый всем, кроме своего дяди Вибхишаны, снова поднял свой лук и ранил Ханумана, Нилу и Джамбавана. Затем он вернулся в Ланку, и Равана приветствовал его как победителя. На некоторое время сражение утихло.

Собрав напуганных обезьян и успокоив Сугриву, Вибхишана сказал:

– Не время сейчас предаваться горю. Рама не умирает. Нужно собрать войско и ободрить обезьян.

Но в обезьяньем войске воцарилась паника, им везде чудились ракшасы. Тем временем Равана, усадив Ситу в свою колесницу, показал ей Раму и Лакшману, пронзенных стрелами и лежавших на поле боя без движения. Решив, что братья погибли, Сита горько зарыдала. Равана повернул колесницу и возвратился в Ланку.

Через некоторое время Рама пришел в себя и, увидев недвижимого Лакшману, принялся оплакивать гибель брата. Отдав должное храбрости обезьян, он принял решение распустить войско и разрешил им вернуться домой. Вибхишана тоже не испытывал желания сражаться за трон Ланки. Видя, что надежда покидает сердца героев, Сугрива постарался ободрить их, а военачальник обезьян Сушена рассказал о волшебной траве, что растет у молочного океана. Эта трава обладала способностью воскрешать мертвых.

– Пусть сын бога ветра отправится за нею, – сказал Сушена.

Появление Гаруды

Не успел Сушена договорить, как поднялся сильный ветер, морские пучины заволновались, горы содрогнулись, и обезьяны увидели в небе Гаруду, плывущего по воздуху, словно пламя. Стоило ему приблизиться к Раме и Лакшмане, как пронзившие их стрелы выскочили из тел и, извиваясь словно змеи, уползли прочь. Гаруда коснулся рукой лиц Рамы и Лакшманы, и царевичи тут же исцелились, и сила вернулась к ним. На многочисленные вопросы Рамы Гаруда отвечал:

– Я твой друг Гаруда. Услышав о том, что ты был ранен волшебными стрелами Индраджита, я поспешил на помощь. Теперь ты знаешь, что ракшасы не гнушаются прибегать к колдовству и обману, поэтому остерегайся их. Остальное я расскажу тебе после битвы, а теперь будь уверен, что победишь Равану и вернешь Ситу.

С этими словами Гаруда обнял Раму и Лакшману, взмыл в небо и унесся прочь. При виде живых и здоровых царевичей сердца обезьян наполнились радостью. Забили барабаны, и тысячи обезьян ринулись на штурм Ланки. Вооруженные выкорчеванными деревьями и камнями, обезьяны яростно сражались с ракшасами, а те, в свою очередь, осыпали противника тучами стрел, крушили обезьян булавами. Видя, что ракшасы начинают теснить обезьянье войско, Хануман схватил огромный камень и обрушил его на колесницу военачальника демонов Думракши, обратив ее в пыль. Подняв другой камень, он бросился на Думракшу, но демон взмахнул булавой и ранил Ханумана. Не обращая внимания на боль, Хануман швырнул камень в Думракшу, и тот рухнул на землю, словно подрубленное дерево. Увидев гибель своего военачальника, ракшасы отступили.

Тяжелая битва

Недолго длилось затишье. Равана послал на поле битвы другого военачальника – свирепого Ваджрадамштру, Громового Клыка. Словно буря устремился он на врага, и каждая его стрела несла смерть девяти обезьянам. В смертельной схватке Ангаде удалось победить Ваджрадамштру. Тогда Равана послал Акампану (Непобедимого), но демон пал от руки Ханумана вместе со всем своим войском. Услышав о гибели Акампаны, содрогнулся Равана, и охватили его дурные предчувствия. Послав за Прахастой, он велел ему выйти на поле боя. Повинуясь приказу, Прахаста собрал войско и на своей великолепной колеснице выехал из города через восточные ворота, сопровождаемый советниками. Прахаста ринулся в бой, без устали посылая стрелы в обезьян. Тогда Нила, вырвав с корнем дерево, обрушил его на Прахасту, осыпавшего его дождем стрел. Одним ударом Нила разбил колесницу демона, вторым – сломал его лук. Вооружившись булавой, Прахаста сошелся с Нилой в единоборстве. Он нанес обезьяне сильный удар в голову, а Нила, в свою очередь, швырнул дерево в грудь демона. Затем, схватив обломок скалы, Нила обрушил его на голову Прахасты, поразив его на месте. Войско ракшасов обратилось в бегство. Словно вода через разрушенную плотину, демоны устремились прочь и вернулись в Ланку, охваченные горем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.